

**АННА
СЕМИРОЛЬ**

А
З
И
Л
Ь

АННА СЕМИРОЛЬ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С30

Иллюстрация на переплете и дизайн обложки
Оксаны Ветловской

Семироль, Анна.
С30 Азиль / Анна Семироль. — Москва : Эксмо, 2022. — 480 с.

ISBN 978-5-04-159743-6

Мир после химической войны, уничтожившей хлорофилл. Двести лет стоит на берегу Средиземного моря Азиль — последний уцелевший город, спрятанный под Куполом. Здесь чистый воздух и еды вдоволь — привилегия богатых градоуправленцев. Здесь в городских катакомбах тихо зреет революция, а в море ждет Онамазу — гигантский белый кит. В этом городе среди людей незамеченным бродит Бог. Добро пожаловать в Азиль — последний приют человечества.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159743-6

© Анна Семироль, текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Прелюдия

Звезда не видно. Ни единой. Хотя взрослые утверждают, что они есть. Даже если сильно-сильно всматриваться — небо тёмное, в расплывчатых разводах разных оттенков серого. Но если очень крепко зажмуриться, а потом резко открыть глаза...

— Same amala oro kelena... Oro kelena dive kerena. Sa o goma, o daje...

Нянюшкина песня летит ввысь, к шпилям Собора, голос Ганны мягок, как пух под крылом птицы из отцовского кабинета, слова на непонятном языке завораживают, зовут вверх. На макушку ложится тёплая ладонь, треплет светлые пряди.

— Вам пора, месье Бойер, — негромко говорит Ганна.

— Веро ещё не вышла. — Мальчик упрямится, капризно кривит губы.

— Мы вернёмся позже, нас привезёт месье Каро. Так велит обряд. Идите же, непоседа.

Мальчик бросает взгляд на окна Собора, мерцающие тёплым светом свечей, вздыхает и спускается по вышербленным широким ступеням. На ходу считает: одна ступенька, две, три... После седьмой сбивается. В шесть лет не зазорно забыть, что после семи идёт восемь. Он оборачивается, чтобы окликнуть Ганну, но нянюшка исчезает в дверях Собора.

— Подайте...

На пути ребёнка вырастает старый нищий в линялом рубище, протягивает руку. Мальчик испуганно отшатывается

в сторону, чуть не падает, запнувшись о ступеньку Собора, и спешит к ожидающей его машине. Нищий провожает его блёклыми слезящимися глазами, осеняет крестным знаменем.

Звонко стуча каблуками, мальчик подбегает к электромобилю и ныряет в салон. Плюхается на сиденье, елозит, устраиваясь поудобнее. Ему нравится, как скрипит искусственная кожа обивки.

— Ты мнёшь мне платье, — сурово замечает мать. — Веди себя прилично.

Мальчик отодвигается в угол, подальше от материнской юбки, от бесчисленных оборок, кружев и бантов. Он не выносит, когда она отчитывает его — всегда сухим, безжизненным тоном. Хочется думать о звёздах — там, выше Купола. И о том, какая красивая его сестра в подвенечном наряде.

— А когда мне можно будет вот так, как Веро? — Он дёргает отца за расшитый рукав куртки.

— Когда подрастёшь. — Тот улыбается — одними уголками рта.

— Ну когда?

— Лет в шестнадцать, — нервно отвечает мать. — Уймись.

— Изабель, — с укоризной окликает её супруг. — Всё ведь хорошо?

— Да-да. Просто расчувствовалась и разволновалась. Едем?

Месье Бойер включает мотор, электромобиль мягко трогается с места. Из темноты перед машиной возникает фигура — в накидке поверх униформы.

— Советник Бойер, подождите!

Шум двигателя стихает. Месье Бойер опускает боковое стекло:

— В чём дело?

— Срочное послание, — выдыхает гонец. Кладёт в руку Советника конверт — и растворяется в ночи.

Азиль

Мальчик вскакивает с места, заглядывает через спинку переднего сиденья и отцовское плечо. С хрустом ломается сургучная печать на письме, шелестит серая шероховатая бумага. Мать в сердцах дёргает мальчика за пояс бархатных штанишек:

— Да сядь же на место!

В тот же момент кольцо, подаренное четырнадцатилетней Веронике Бойер к помолвке, падает с ладони девочки. Подпрыгивая, словно живое, оно катится по каменному полу Собора и, на мгновение задержавшись на краю, скрывается в глубокой расщелине. Вероника коротко ахает, меняется в лице.

Конверт в руках Советника Бойера отчётливо щёлкает и взрывается, залив салон электромобиля ослепительным светом.

I

Виноград

Мяч с силой ударяется об пол, возвращается в детские ладошки. Шестилетняя рыжеволосая девочка кидает игрушку сидящему на диване молодому человеку в джинсах и батистовой белой рубашке:

— Стамбул, — звонко разносится по комнате.

Доминик Каро ловит мяч, медлит.

— Э-э-э... Амелия, Лондон же был?

— Был.

— Тогда Лихтенштейн.

— Не годится, — хмурится девочка. — Это княжество, а мы играем в города.

— Лувр! — хитрит её партнёр по игре.

— Дядя Ники, это нечестно.

Тот крутит мяч на кончике пальца, роняет на пол. Амелия подхватывает игрушку, смотрит с укоризной.

— Луго. Лион. Лаhti. Лос-Анджелес. Лас-Вегас. Лаппенранта, — чеканит почти по слогам.

— Ну всё, ты меня сделала, малявка! — Ники смеётся. — И каков твой выигрыш?

— Ты сегодня никуда не едешь, сидишь дома и учишь города, — выносит суровый вердикт Амелия.

Ники встаёт с дивана, потягивается, ерошит коротко стриженные тёмно-русые волосы. Внезапно хватает диванную подушку и запускает её в Амелию. Девочка ловко

Азиль

прячется за спинку кресла, подушка вылетает в открытое окно.

— Месье Каро, это недостойный взрослого поступок! — верещит Амелия, ползком перебираясь под стол.

Молодой человек ловит её за подол пышного розового платья, выуживает из убежища. Ставит перед собой и, на-свистывая, поправляет помятые оборки и бантики на юбке, заправляет рыжую прядь под расшитую жемчугом сетку для волос.

— Мадемуазель Каро, — Доминик включает менторский тон, — напоминаю вам, что взрослым замечания могут делать только взрослые. И уж никак не шестилетние конопчатые кареглазки. Я вами обижен, удаляюсь в изгнание в спортзал.

Амелия гневно фыркает, толкает его в живот двумя руками и, подхватив подол платья, выбегает из комнаты.

— Запрись в своём спортзале и сиди там, учи города! — слышится из коридора. — Ты наказан, наказан, наказан!

— Конопуха противная, — бубнит под нос Ники, подбегает мяч и бросает его об стену. Ловит, отправляет обратно. И ещё раз. И ещё.

Дребезжат в старинном шкафу чашки из тонкого фарфора, угрожающе кренился набор картина в бронзовой раме. Мяч то глухо ударяет в стену, то звонко бьётся о ладони. Во время очередного броска с комода на пол падает тяжёлый старый подсвечник. Чертыхнувшись, Ники кидается водружать его на место, а когда оборачивается, видит стоящего в дверях старшего брата.

— Доминик, какого чёрта?

Тридцатипятилетний Бастиан Каро очень зол. Чёрные густые волосы, обычно аккуратно причёсанные, сейчас взлохмачены, небритая щека нервно подёргивается, глаза близоруко прищурены.

— Мне на совещание ехать послезавтра, я работать пытаюсь! — рычит он, потрясая свитком из грубой кукурузной бумаги. — Вали отсюда подальше и круши стены там!

Доминик изображает на лице самую любезную из улыбок и прячет мяч за спину.

— Э-э-э... извини, братец, мы с племянницей заигрались в города, — виновато оправдывается он.

Бастиан усмехается, кивает.

— Я всё никак не привыкну, что ты у нас в семье вечный ребёнок. Ничем не занят, ветер в голове, — язвительно говорит он.

Младший брат всё ещё улыбается, но карие, как и у Бастиана, глаза грустнеют.

— А чем мне заниматься, если я для всех — лишь запасной вариант тебя? Ты заседаешь в Совете Семи, мне там места нет. И всех талантов — трепать языком и очаровывать баб.

— Месье Каро? — вежливо окликают Бастиана из коридора.

Он оборачивается и поспешно проходит в комнату, пропуская служанку. Женщина в белой косынке и форменном серо-голубом платье заходит, неся поднос с кистью винограда, бокалом вина и тремя кукурузными лепёшками, бережно ставит ношу на маленький столик с резными ножками.

— Месье Доминик, вы распорядились, — говорит служанка кротко, почтительно кланяется.

— Спасибо, Мари, — кивает Ники. — Возьми пару ягод, они вкусные.

Женщина качает головой, пряча глаза.

— Да они и так их воруют на кухне, — фыркает Бастиан и указывает служанке на дверь: — Всё, свободна.

Мари снова кланяется, приседает в реверансе. Доминик пользуется моментом и наступает ей на длинную юбку. Женщина охает, услышав треск рвущейся ткани, испуганно выбегает прочь. Каро-младший хохочет, довольный своей выходкой, и падает на диван.

— Везде есть свои плюсы, братец! Ты весь такой серьёзный, по уши в работе, уважаемый весь... А я просто живу. Так, как мне нравится.

Азиль

Он отщипывает от виноградной кисти тёмно-фиолетовую ягоду, кидает в рот.

— Поехали вечером со мной к плебеям? Покажу, на что готовы трущобные девки за одну такую ягоду.

— Меня тошнит от одной мысли о сексе с подобными... — Бастиан морщится, щёлкает пальцами и подыскивает нужный термин: — Грязнухами.

— Может, ты, братец, неправильно сексом занимаешься? И девочек тамошних недооцениваешь. Попадают и настоящие сокровища. Всё поинтереснее твоей скучной жены.

Бастиан разворачивает мятый свиток, снова скручивает в трубку. Проходит в комнату, неслышно ступая по мягкому ковру, присаживается рядом с братом на диван. Делает маленький глоток из бокала с вином, закусывает лепёшкой.

— Жена, Ники, — это аксессуар. Положено Советнику иметь жену и ребёнка — изволь соответствовать. А уж скучная она или нет — дело десятое. Без неё я бы сейчас не занимал свою должность. Её дело — растить Амелию, сопровождать меня на официальных приёмах и дома не мозолить мне глаза. А то, что она глупа, — не мои проблемы.

— Ну глупой я её не называл. А что она скучная — это как раз твоя вина, Бастиан. Побольше внимания ей, что ли. Ущипни пару раз за задницу, скажи, что у неё классные сиськи, закажи портнихе для неё платье, как у уличных девок. Это освежит ваши отношения!

Поперхнувшись от услышанного куском лепёшки, Бастиан Каро смотрит на младшего брата насмешливо.

— О, эксперт выискался! На своих трущобных потаскухах мастерство оттачивал?

— Ну у меня с женщинами всяко лучше твоего, — невозмутимо откликается Доминик. — Ты же не станешь это отрицать?

— Не вздумай свои «отношения» приводить в дом!

— А и приведу! — с вызовом отвечает Ники и залпом допивает вино.

Через час его электромобиль отъезжает от резиденции Каро в сторону Восточного пропускного пункта.

Дорога пустынна. Жители Ядра посещать Второй и Третий круг без крайней необходимости не любят, велорикши стараются не ездить по темноте, потому Доминик безбоязненно выжимает из своей машины максимальную скорость. Позади электромобиля исчезают в облаке пыли километры кукурузных и соевых полей, летят из-под колёс мелкие камни. Ники смотрит на праделовы часы, охватывающие левое запястье, хмурится.

Электромобиль проносится мимо фруктового сада, сад сменяется широкой полосой виноградников. Фрукты и виноград — роскошь, доступная только обитателям Ядра, элите Азиля. Простолюдины довольствуются лишь соей и кукурузой. И комплексными добавками, разработкой которых занимается Советник Каро — старший брат Доминика, Бастиан.

Доминик поправляет на сиденье жестяную коробку, набитую виноградом, улыбается своим мыслям. Что для членов его семьи и их ближайшего окружения — просто еда, для жителей Второго и Третьего круга — настоящие сокровища. И пусть старший брат бесится в своё удовольствие, считая, что Ники разбазаривает добро.

По обеим сторонам дороги растёт кукуруза. Высоченная, увенчанная крупными початками. Ещё месяц — и можно будет собирать первый из трёх годовых урожаев. Свет фар, выхватывающих из темноты дорогу, слабеет. Аккумулятор электромобиля переходит в режим экономии энергии. Но Доминик не сбавляет скорости. Он точно знает, что заряда хватит до станции на пропускном пункте между Вторым и Третьим кругом. Расстояние просчитано им идеально и проверено десятки раз. Ещё полчаса по пустой дороге — и он у цели.

Азиль

Наконец-то далеко впереди брезжит свет, поля заканчиваются. Доминик сбавляет скорость, проезжает мимо длинных ангаров, в которых хранят урожай, маленьких домиков обслуживающего персонала, насосов, что гонят воду от реки к садам и полям. На развилке сворачивает направо — к пропускному пункту. За спиной остаётся дорога, ведущая к городскому саду, жилым кварталам, заводам и кафедральному Собору Азиля.

Электромобиль переезжает мост через реку, медленно едет вдоль десятиметровой бетонной стены, которая длится в обе стороны, насколько хватает взгляда, и останавливается перед массивными подъёмными воротами. Доминик вылезает из машины, подходит к решётке ворот и звонит в закреплённый на стене колокол. Почти мгновенно с другой стороны подбегает охранник в тёплой куртке, почтительно кланяется, вращает колесо механизма, поднимающего металлический частокол.

— Доброго вечера, месье Каро! — одышливо пыхтит стражник.

Доминик напускает на себя высокомерный вид, приветствует его кивком и возвращается в электромобиль. Машина проезжает через ворота, паркуется возле генератора.

— Зарядить полностью, — распоряжается Ники.

— Слушаюсь, месье.

Забрать с переднего сиденья коробку с виноградом, поплотнее запахнуть короткую куртку. Чем дальше от Ядра Азиля, тем холоднее ночи и жарче дни: особенности грязной, бедной кислородом атмосферы. Доминик косится на тонкую трубочку носового катетера, идущую вдоль правой скулы охранника и исчезающую за ухом — там, где закреплён на шее воздушный фильтр. Без фильтра на окраине не выжить. Действие защитного купола Азиля здесь слабое, долго дышать воздухом с примесью диоксида азота опасно. Это одна из причин, по которой матушка Доминика закатывает истерики, когда её младший сын удирает в трущобы.

Ники смотрит на подрагивающие стрелки часов, едва различимые в свете газового фонаря, хмурится и припускает бегом по направлению к городской окраине. Он не любит опаздывать.

Старательно огибая прохожих, не забывая улыбаться и подмигивать встречным девушкам, Ники минует маленький жилой квартал и оказывается на пустыре, отделяющем высотки от городской свалки.

«Как можно жить в этих домах? — думает Ники, морщась от запаха отбросов. — С такой-то вонищей по соседству. Особенно летом, когда жара. А ещё говорят, преступники прячутся на свалке от полиции под горами мусора. Не верю. Вон какие тут крысы здоровенные, наглые. Готов поспорить, стаями на людей нападают и жрут».

Доминик пересекает пустырь, внимательно глядя под ноги, проскальзывает за калитку, рукавом куртки цепляется за проволочную сетку, дёргает так, что вся ограда ходит ходуном. Охранник бросает на него сердитый сонный взгляд, но даже не пытается остановить. За месяц он привык, что этот парень постоянно заявляется сюда по вечерам. И ему точно нужны не вещи, которые можно обменять на рынке. Ники следует мимо череды припаркованных на ночь мусоросборочных машин, перепрыгивает через рельсы, по которым вагонетки, наполненные барахлом, гонят в подземные цеха на переработку. Мельком косится на отсортированное за день, но пока не погруженное: аккуратные горки раздельно лежащего тряпья, пластика, битого стекла, металла, целлюлозных отходов. В стороне на корточках сидят пятеро мальчишек и разбирают на детали что-то напоминающее стеллаж. Ники думает, что вся техника Азиля зависит от мусора. Большинство отходов идёт на топливо, ещё часть — на вторичное использование. Забавно: месяц назад он об этом даже не знал.

Доминик обходит маленькое административное здание, возле которого, как обычно, мнутя перекупщики старья. И, судя по внешнему виду, перекупщикам живётся неплохо.

«А ведь и правда: можно вообще не работать, — размышляет Ники. — Просочился на свалку, поковырялся в том, что сюда свозят, нашёл ту же старую посуду или одежду, из которой вырос ребёнок, — и носи себе, выменивай на купоны. Правда, если охранник тебя заловит и при тебе не будет разрешения от администратора, можно и по шее получить».

Конечно, Ники Каро приходит сюда совсем не за мусором. Здесь, на сортировке, работает по вечерам главная причина недовольства его родителей. Вот же она — робко мнётся на границе тени и света тусклого уличного фонаря.

Делая вид, что не видит её, Ники украдкой косится на длинные ноги в ярких сапожках и застиранных штанах, замечает тёмное пятно на коленке: прилип кусочек водоросли. Взгляд скользит выше — по бурому, растянутому от долгой носки свитеру, прижатым к груди кулачкам. «Она каждый раз так меня встречает. Стоит в полутени, сжав кулаки на груди, — думает Доминик — и не может сдержать улыбку. — Вот сейчас...»

— Ники-кун, — окликает его робкий голос обладательницы мешковатого свитера.

— Кейко-о-о! — радостно вопит Доминик, раскидывая объятия. — А я тебя высматриваю-высматриваю... Думал — ушла, не дождалась, нашла другого.

Даже при плохом освещении видно, как девушка краснеет. Раскосые тёмно-карие глаза наливаются слезами, губы обиженно сжимаются. Ники становится стыдно за глупую шутку — но лишь на мгновение. Он подбегает к Кейко, осторожно обнимает её.

— Ну же, прости. Я так не думал. Глупо пошутил, извини.

Она молча кивает, утыкается лбом ему в плечо. Доминик оглядывается, ловит заинтересованные взгляды перекупщиков и быстро шепчет в прикрытое длинными тёмными волосами ухо девушки:

— Пойдём отсюда, пока вон тот мужик от зависти не лопнул. Я кое-что тебе привёз.

Кейко неуверенно пожимает острыми плечами:

— Не надо подарков, Ники-кун. Я и так...

— И слушать ничего не желаю, — закатывает глаза Доминик. — Подарки — это моё личное и добровольное дело. Так? Ну и вот. Не понравится — выбросишь. Или отдашь своей злюке-сестрице.

Молодой человек вкладывает ей в ладонь плитку прессованных сухофруктов и увлекает девушку за собой. Они покидают свалку, идут узким пыльным переулком, спотыкаются обо что-то в темноте. Доминик раздражается фонтаном неизысканных ругательств, Кейко нервно смеётся.

— Валите отсюда, чёртовы гуляки! — откликается из-под груды мусора сонный голос.

— Ты бы не спал на земле, приятель, — нейтральным тоном советует Ники. — Синий лёд...

И резко смолкает, уворачиваясь от летящего бульжника.

— Катись, умник! — несётся из-под хлама. — Какая разница, как подышать!

Ники уже не слушает, быстрым шагом удаляется прочь. Кейко почти бежит за ним, то и дело оглядываясь назад. Догоняет, бережно касается локтя. Парень с грустной усмешкой обнимает её за плечи, целует в щёку.

— Уведи меня куда-нибудь, Кей. Давай сбежим. Достали все.

— Куда ты хочешь?

На секунду он задумывается, сбавляет шаг.

— Две вещи никогда в жизни не видел: море и небо. Отведёшь?

Кейко грустно качает головой. В раскосых глазах читается испуг.

— Нельзя. Там опасно для тебя.

Ники гладит щёку девушки, касается трубочки носового катетера.

— Кей, мы ненадолго. Я знаю, что воздух не убивает сразу, если ты без защиты. Ты в безопасности, а за себя я не

Азиль

боюсь. — Он делает паузу, видит нерешительность на лице Кейко и вкрадчиво тянет: — Ну пойдё-ом... Ответственность за последствия я беру на себя. Хорошо?

Он ни на миг не сомневается, что она исполнит его просьбу. Брату Советника Каро никто не отказывает. В этом секторе Третьего круга Азиля — точно. Можно даже не прибегать к безотказно действующим словам, произносимым с лёгкой укоризной: «Ну ты же меня любишь?» Бабская фраза, но на влюблённых дурочек действует стопроцентно. Доминик Каро не раз в этом убеждался.

Кейко Дарэ Ка вежливо улыбается и протягивает ему руку.

— Только ненадолго, Ники-кун, — просит она. — Ночью снаружи холоднее, чем под защитой Купола. Там ветер сильнее.

Вскоре они подходят к границе Азиля. Остаются за спиной редкие огни спящего Третьего круга. Земля суха и абсолютно безжизненна, под ботинками похрустывает подёрнутый инеем гравий. Доминик останавливается перед высоченной колонной одной из опор Купола, задирает голову и пытается рассмотреть в темноте границу между небом, привычным ему с рождения, и тем небом, которое он так хотел увидеть. Кейко ёжится от пронизывающего ветра, приплясывает рядом, дышит теплом в озябшие ладони.

— Не вижу, — разочарованно выдыхает Ники. — Всё такое же.

— Мы ещё не вышли из-под края. Осталось чуть-чуть, — мягко говорит Кейко. — Идём.

Ещё на триста метров прочь от города, и девушка останавливает Доминика.

— Смотри теперь.

Ники ставит на землю коробку, которую взял с собой, плотнее запахивает куртку и всматривается в небо. Сперва довольно трудно рассмотреть что-то сквозь запылённый воздух, но постепенно Доминик начинает различать в вышине яркие светящиеся точки. Он вытирает слезящиеся

от ветра и пыли глаза и снова вглядывается в темноту над головой.

— Кей... Я вижу! Искры над нами — это же звёзды!

Восторженный голос срывается, становится трудно дышать. Накатывает тошнота и головокружение — то ли от осознания того, какая бездна развернулась над ними, то ли от пребывания вне Азиля. Кейко быстро оказывается рядом, обнимает, старается удержать Ники на ногах.

— Фух, я в порядке, в порядке! — сопротивляется Доминик и снова задирает голову. — Ну это же невозможно не хотеть увидеть! Ради этого стоит... Уффф...

— Уходим, — сухо отрезает девушка. — Если тебе станет ещё хуже, я тебя не донесу.

На этот раз он не возражает и позволяет увести себя. Медленно бредёт, опираясь на хрупкое плечо Кейко, старается дышать размеренно и спокойно. Девушка хмурится. Что ей до того, что Ники уносит с собой целую бездну, полную звёзд. Больше всего Кейко Дарэ Ка боится, что её бесценный Ники-кун останется здесь, надыхавшись ядовитого воздуха, а она, тшедушная девушка с самого дна Азиля, ничем не сможет ему помочь.

Доминик плохо помнит, как они с Кейко добрались до её дома. И как ему удалось убедить девушку, что он в порядке и дальше пойдёт один. Удалось же — и отлично. Хорошо, что именно сейчас её нет рядом. Слишком непривычно ощущение заботы. Оно делает его слабее и уязвимее, а именно сейчас необходимо быть собранным и серьёзным. Предстоит важный разговор, от которого зависит очень много.

Подъём в темноте на третий этаж по лестнице без перил занимает вечность. Ники бодрится, старается дышать ровнее, держать спину прямо. Ему кажется, что лёгкие превратились в громадные каменные глыбы, и каждый вдох и выдох — это попытки сдвинуть с места здоровенные бульжники. Ноет каждая мышца, кружится голова.

Азиль

Последняя ступенька. Доминик делает шаг вперёд, протягивает руку и опирается о стену. Стоит с минуту, ждёт, когда немного успокоится частящий пульс. Прислушивается: в недрах высокого здания плачет ребёнок. Звук разносится эхом, множится, становится выше, переходя в нестерпимый, сверлящий череп визг.

— Твою мать!!! — орёт Доминик, стискивая ладонями виски.

Сползает по выщербленной стене в воняющем мочой углу, ловит ртом воздух. Где-то хлопает дверь, бьющийся в голове визг лопается, оставив тупую боль. Ники стонет, ругается сквозь зубы. В лабиринтах коридоров слышатся шаги — мужские, тяжёлые. Дежурные? Охрана? Случайных людей в этом здании не бывает.

— Э-эй! — зовёт Ники. — Сюда!

Шаги на мгновение замирают, и Ники кричит снова. С удовлетворением отмечает: услышали, бегут. Теперь надо привести себя в порядок, напустить вид, подобающий отпрыску семьи Каро. Дышать ровнее.

Из темноты выныривают лучи тусклых фонарей, шарят по лицу Ники. Он поднимает руку, защищая глаза.

— Свои, — ворчит он. — Повежливее!

— Месье Каро? — окликает его знакомый голос. Точно, охранники. Небывалое везение.

— Помогите встать, — распоряжается Доминик, стараясь придать голосу твёрдость.

Крепкие руки поднимают его, один из охранников подставляет плечо. Второму Доминик вручает коробку.

— Проводите меня к Сирилю.

— Да, месье Каро. Он будет рад вашему визиту.

С поддержкой передвигаться гораздо легче. Даже дышать становится проще. Ники следует по длинному коридору, рассматривая знакомые граффити в свете фонарей. «А некоторым из них больше ста лет», — неожиданно вспоминает он.

— Люди смертны, искусство вечно, — думает Ники вслух.

— О чём вы, месье Каро?

— О том, что, когда мы все будем помирать от голода или эпидемии, надписи со стен будут смотреть, как корчатся венцы эволюции.

Охранник хмыкает, будто Доминик сказал что-то смешное. «Услышал забавные незнакомые слова», — с раздражением понимает Ники и спрашивает у верзилы:

— Ты читать-писать умеешь?

За него отвечает его до сих пор молчавший напарник:

— А оно нам зачем? Кому нужна грамотность в Третьем круге? Мы тут с малолетства работаем по шестнадцать часов. Мозгами тяжести на фабрике не потаскаешь.

— Что-то ты для фабрики слишком откормленный, — язвит Ники. — Или Сириль собственное производство открыл втайне от властей?

— Две работы — две пайки, — ровным голосом отвечает охранник и поудобнее перехватывает руку Доминика на своём плече.

Оставшийся путь они проделывают молча. Доминик больше смотрит под ноги или на покрытые надписями стены. Коридоры, лестничные пролёты, проходные брошенные квартиры... Хорошо прячется Сириль. Мало того что в здание просто так не войти — попробуй ещё найди здесь нужное помещение. Сомнительно, что это возможно даже при свете дня.

Ещё один поворот, шаткий мостик над обрушившейся бетонной плитой. За ним — неприметная обшарпанная дверь. Площадку перед входом освещает на редкость яркий фонарь. Глухо лязгает металлический засов, дверь открывается. Охранники оставляют Доминика и возвращаются к патрулированию здания. Ники напускает на себя бодрый вид и переступает порог.

— Доброй ночи, месье Каро, — приветствует его невзрачный мальчишка лет двенадцати.

Азиль

— Как служба, Дидье? — подмигивает ему Ники, снимая куртку и пристраивая её на рогатую бронзовую вешалку в углу.

— Хозяин доволен, — сдержанно улыбается тот. И приподнимает перед визитёром край тяжёлой бархатной шторы, отделяющей прихожую от основных апартаментов.

Если бы Доминик не видел своими глазами, как виртуозно мальчишка управляет с ножами и с какой быстротой и точностью они поражают движущиеся цели, он посмеялся бы, что один из теневых правителей Азиля держит в телохранителях ребёнка. Но он видел, и увиденное заставляет его относиться к Дидье с уважением.

По ту сторону шторы полумрак. В воздухе — лёгкий запах дыма с уже знакомой Доминику Каро ноткой пряности. Зал кажется огромным, и не напрасно: он составлен из четырёх комнат, между которыми снесены перегородки. Обстановка сошла бы за бедную, если бы не стеллаж с книгами у одной из стен. Хозяин апартаментов — сухощавый седой мужчина лет пятидесяти — сидит в углу за письменным столом и курит старинную изогнутую трубку. И трубка, и стол, и книги, и серая рубашка на пуговицах, и аккуратная стрижка — великолепие, доступное лишь обитателям Ядра. Но это Сириль — один из миродержцев Третьего круга, и он может позволить себе любую роскошь.

Кроме легального пребывания в Ядре, мысленно поправляет себя Ники.

Увидев визитёра, Сириль откладывает трубку, поднимается с места.

— Дорогой гость! — восклицает он. — Странно видеть тебя здесь, а не в клубе. А где твоя девица?

Ники пересекает комнату, протягивает руку в знак приветствия. Рукопожатие Сириля крепкое, деловое. Тонкие губы трогают тень улыбки, но глаза остаются холодными. Формальная радость, привычная настороженность.

— Девицу отправил домой, у неё ранний подъём. Я по делу.

Ноги перестают держать Доминика, и он тяжело оседает на стул. Сириль хмурится, высокий лоб прорезают морщины.

— Плохо выглядишь. Что-то принял, нужен антидот?

— Ходил посмотреть на звёзды, — признаётся Ники. — Не думал, что это так скажется. Сириль, вот эта коробка — аванс за одну услугу. Там виноград.

— Куда ж вас понесло без фильтра, пылкий юноша?

Доминик каменеет лицом, распрямляет спину.

— Читайте нотации своим подчинённым, Сириль. Перед вами как минимум равный.

Хозяин усмехается — едва заметно. Кладёт трубку в тяжёлую стеклянную пепельницу на краю стола, проходит в глубь комнаты, где ведёт на второй ярус винтовая лестница, и зовёт:

— Элоди!

Наверху скрипит кровать, слышатся шаги, и сонный женский голос откликается:

— Что случилось?

— Оденься и принеси мне иньектор и коробку с третьей полки стеллажа. Небольшой пластиковый контейнер с синей крышкой. У нас гость, и требуется помощь.

Сириль возвращается к Доминику, усаживается, внимательно смотрит на тяжело дышащего молодого человека и спрашивает вполголоса:

— Так что у тебя за дело?

— Сперва скажите, что вы собираетесь мне вколоть, — недоверчиво бурчит Доминик.

— Эритропоэтин и оксигематин. Один нейтрализует действие диоксида азота на гем, второй усиливает выработку красных кровяных телец, — скучным тоном отвечает Сириль. — Давай уже к делу.

Ники медлит, подбирая слова, потом выдаёт:

— Мне нужно, чтобы ваш человек перебил моей девушке Код до уровня свободного доступа в Ядро. Или хотя бы до рабочего доступа.

Азиль

Теперь уже Сириль медлит, не сводя с лица Доминика цепкого внимательного взгляда. Он молчит, и затянувшаяся пауза заставляет молодого человека продолжить:

— Я точно знаю, что у вас есть такие умельцы. Даже знаю, что это женщина. Потому и пришёл. За ценой не постою.

По лестнице спускается сутулая коротко стриженная женщина лет сорока. В левой руке она несёт пластиковый контейнер, правой придерживает на груди запахнутый халат. Сириль бросает на неё быстрый взгляд, склоняется к уху Доминика и шепчет:

— Тебе не жалко девчонку, Каро? За что ты с ней так?

— Она будет под моей опекой. Я так хочу. Остальное никого не касается, — тоном, не допускающим возражений, чеканит Ники.

Сириль сокрушённо качает головой.

— Ты платишь, Доминик. Я исполняю. Но расплачиваться придётся твоей косоглазой. Ты об этом подумал?

— Ты исполняешь? — с нажимом переспрашивает молодой человек.

— Да. Исполняю. И давай уже закатывай рукав. Мои люди доведут тебя до машины. А мы с женой наконец-то пойдём спать.

II

Онамадзу

Штиль. Сейнер неподвижно замер в километре от берега — серый, последний раз крашенный в незапамятные времена, с изъеденными ржавчиной бортами и почти стёршимся названием — «Проныра». Под полуденным майским солнцем он похож на рыбу, которую старательно добывает для жителей Азиля, — тусклый, неприметный на фоне морской глади.

Капитан Франс Гревье и его команда отдыхают в кубрике. Невысокая скуластая Акеми как единственная женщина в их компании разливает по стальным мискам жидкий суп с йодистым водорослевым амбре. Разговоры привычно сводятся к трём темам: улов, выпивка и обсуждения очередного дурацкого сна белобрысого юнга Жилия.

— Не томи! — перекрывая общий хохот, громогласно требует Гревье. — Давай дальше! Огюст угадал? В листьях баба спала?

Жиль вспыхивает до корней волос и делает вид, что, кроме супа в миске, его больше ничего не интересует.

— Боннэ, дьяволёнок, рассказывай дальше! — орут рыбаки наперебой. — Что там было, в этих листьях? Боннэ, дала тебе эта красотка или нет?

Мальчишка молча орудует ложкой, левой рукой придерживая чёлку, закрывающую половину лица. Капитан толкает его в плечо:

Азиль

— Боннэ, хорош ломаться! Давай дальше рассказывай! Или полетишь за борт!

— Вы п-помешались на б-бабах, вот так вот! — взрывается Жиль. — Д-даже в рыбе их видите! Не б-было н-никого в моём сне! К-куча листьев, и всё!

От хохота команды дребезжит половник в опустевшей кастрюле.

— За борт! — радостно орут четырнадцать глоток.

Молчит только Акеми, потягивая свою порцию супа из кружки. Она безразлично наблюдает, как Жилия хватают двое рыбаков, как боцман напяливает на мальчишку пробковый спасательный жилет и команда с довольным гомоном выносит свою жертву на палубу. Акеми провожает их взглядом и пожимает плечами: одно и то же почти каждый раз. Когда им надоест издеваться над мальчишкой? Жиль пришёл на сейнер почти два года назад, и с тех пор редкий выход в море обходится без вышвыривания мальчика за борт по любому поводу. Боцман и помощник капитана даже соревнуются, кто дальше метнёт тошего юнгу. А вылавливать его всегда достаётся ей.

— Что — других нет? — возмущается всякий раз Акеми. — Я среди вас не младшая, плаваю не лучше всех. Почему всегда я?

Ответ каждый раз один и тот же: «Да потому что у тебя нет яиц!»

— Да чёрт бы вас побрал, — раздражённо ворчит Акеми, бросая кружку в бак для грязной посуды.

Дикий крик заставляет её выметнуться на палубу. Жиль орёт так, будто его рвут на части. Сейнер вздрагивает под ногами Акеми, её швыряет в сторону бака — туда, где свалены кучей снасти. Прежде чем на палубу обрушивается шквал холодных горьких брызг, девушка успевает заметить, что команда сгрудилась на корме и напряжённо глядявается в серую водную гладь. Волна волочёт Акеми к противоположному борту. Кто-то из команды бросается к ней, хватая за воротник штормовки. Катетер воздушного фильтра цепляется

за петлю застёжки, девушка вскрикивает от боли, прижимает тонкую трубочку к лицу пальцами.

Воцаряется тишина. Как будто случившееся секунды назад было мороком. Акеми отжимает на себе промокший насквозь свитер, заправляет за уши подстриженные пряди тёмно-русых волос и вдруг понимает, что юнги на палубе нет.

— А где Жиль? — спрашивает она.

Ей никто не отвечает. Вся команда по приказу Гревье бросается по местам. Акеми быстро надевает спасательный жилет, застёгивает его непослушными пальцами. Сейнер прибавляет скорости, даёт лёгкий крен на левый борт — идёт на разворот.

— Убираемся отсюда, быстро! — орёт Гревье.

Акеми уже на баке. Видит фигурку в пробковом жилете, похожую на поплавок, скачущий в волнах, и зовёт:

— Жиль! Жиль, плыви сюда!

Юнга что-то кричит в ответ, машет рукой, но судно набирает скорость, уходит всё дальше.

— Капитан, что вы творите? Вернитесь за ним, мы не можем его бро...

И, осёкшись на полуслове, вглядывается в воду. Под сейнером проплывает что-то громадное, молочно-белое. Секунда — и корабль сотрясает новый удар, куда сильнее предыдущего. Люди что-то кричат, мечутся. Акеми круглыми от ужаса глазами провожает гигантское нечто. В сотне метров от сейнера над морем взмывает белый хвостовой плавник размером с половину судна.

— Онамадзу¹... — шепчет девушка в ужасе.

— Оно плывёт обратно!!! — орёт с мостика боцман.

Не раздумывая, Акеми швыряет в воду спасательный круг, прыгает за борт и отчаянно гребёт прочь от сейнера. Глаза крепко зажмурены, мысль, что глубина под ней становится

¹ Онамадзу (яп.) — мифический гигантский сом, вызывающий землетрясения.

Азиль

белой, повергает её в ужас. Каждую секунду Акеми помнит, что в море она пловец никудышный, но желание жить придаёт сил.

Позади неё сейнер вздрагивает, поднимается над водой, на мгновение открывшей широкую спину морского гиганта. Корабль, кажущийся таким игрушечным, подбрасывает вверх. В воздухе его с резким скрежетом разрывает пополам, и обломки скрываются в бурлящей воде. Набежавшая волна накрывает Акеми с головой, но жилет и спасательный круг выталкивают девушку на поверхность. Она выплёвывает горькую воду, откашливается и озирается по сторонам.

Затянутое серой дымкой небо. Тусклое солнце. Берег, кажущийся близким, но до которого плыть и плыть. И холодная морская гладь от края до края.

Девушка пытается приподняться, опираясь на круг руками. Её колотит — то ли от страха, то ли от холода.

— Эй! — кричит она изо всех сил. — Э-эй!!! Помогите! Я здесь!

Взгляд скользит по поверхности воды, ища движение, но не находит и невольно обращается в глубину. Акеми кажется, что вот-вот во тьме под ней посветлеет и появится чудовищная белая рыба с громадной жадной пастью.

— Помогите! — визжит Акеми. — Кто-нибудь! Помогите!!!

Она старается вскарабкаться на круг коленями, срывается, погружается с головой. Открывает глаза и видит неясные тени далеко под собой. Выныривает, снова хватается за круг и замирает, тяжело дыша.

И слышит сквозь плеск волн резкий отрывистый свист.

— Я здесь! — кричит Акеми. — Сюда!

Свист прекращается, Акеми продолжает звать и слышит его снова. Где-то левее, недалеко. Она ложится на спасательный круг животом и гребёт в сторону звука. Страх отступает, вытесненный радостью: она не одна. Кто-то есть рядом —

значит, они обязательно доберутся до берега. Только сперва надо доплыть до того, кто...

— Акеми! Акеми, это т-ты? — слышится сиплый от страха голос.

Теперь она видит его — скачущий в волнах поплавок пробкового жилета, отчаянно машущая рука. Он замолкает, кашляет, снова дует в свисток.

— Я вижу тебя, Жиль! — кричит Акеми и смеётся. — Сюда! Плыви ко мне!

Ещё несколько сильных гребков, и мальчишка совсем рядом. Акеми хватает его за руку, подтягивает к себе. Юнга бледный, губы синюшные, трясутся, глаза наливаются слезами.

— Не реви! — строго велит Акеми, прижимается лбом к его щеке, покрытой рваными рубцами безобразных шрамов, и беззвучно плачет.

— Сама ревьешь, в-вот так вот, — стуча зубами, укоризненно отзывается Жиль.

Она молчит. Держит мальчишку мёртвой хваткой и прокручивает в голове только одну фразу: «Мы живы и возвращаемся домой».

После часа в холодной воде песок на берегу кажется горячим. Хочется зарыться в него и уснуть, но Акеми даже передохнуть не даёт.

— Жиль, подъём. Не будешь двигаться — замёрзнешь насмерть. И вспомни, какой дрянью мы дышим.

Мальчишка собирает песок в горсти, прикладывается к нему здоровой щекой.

— Я устал. П-пара минут отдыха ничего н-не решит.

Акеми едва держится на ногах, дышит теплом на ладони. Она никогда не признается, как ей самой хочется сесть рядом с Жилем, выдохнуть и дать телу отдых. Сейчас важнее убраться с заброшенного пляжа. Переодеться в сухое. Заменить воздушные фильтры. Доложить о происшествии в море.

Азиль

Срочно найти работу. А уже потом добраться домой и упасть спать.

— Чего ты смеёшься? — хмуро спрашивает девушка.

Жиль сидит, обняв острые колени и уткнувшись в них лбом, плечи его вздрагивают. Если бы Акеми не знала его без малого два года, то решила бы, что он плачет. Но этот мальчишка при ней не плакал ни разу, хоть и были поводы даже для мужских слёз. Вот хотя бы час назад.

— Жиль? — ещё раз окликает она и отвечает ему лёгкий подзатыльник.

Он откидывается на спину, раскинув руки, и хохочет уже в голос. Акеми встаёт над ним, уперев кулаки в бока, лицо её очень серьёзно.

— Или ты прекращаешь это глупое ржание, или я решу, что ты тронулся. Ну?

Отсмеявшись вволю, Жиль переводит дыхание, встаёт, тщательно стряхивает песок с заношенной мокрой одежды, смотрит на суровую Акеми — и его лицо снова расплывается в улыбке.

— Т-ты только п-представь, что мы ск-кажем в п-порту. Что нас зашибла рыба! Зд-доровая рыбина, вот так вот!

Акеми с трудом сохраняет серьёзность. Да уж, мальчишка прав. Звучит настолько бредово, что их запросто засмеют. Прозвище «Рыбой ушибленные» они заслужили. А потом накрывает осознание, что на берегу они ввоём. И больше никого.

— Жиль, это очень смешно. Очень. Но из всей команды «Проньры», похоже, уцелели только мы. И теперь мы с тобой безработные. Ничего? — спрашивает она. И, не дождавшись ответа, бредёт в сторону города.

Мальчишка вздыхает и покорно плетётся за ней. Ноги вязнут в песке, в старых разбитых ботинках противно чавкает вода. Ветер сушит штормовку, студит тело под коротким свитером, из которого Жиль вырос ещё в прошлом году. От холода простреливает изуродованную левую часть лица, и маль-

чишка прикладывает к ней ладонь — так легче. Он смотрит на серые башни городских многоэтажек впереди и гадает: видел ли хоть кто-то с берега то, что случилось с сейнером? Если не найдётся свидетелей, кто поверит их рассказу?

— Акеми!

— Чего тебе? — не оборачиваясь, откликается она.

— П-погоди!

— Шагай давай!

У опоры Купола девушка останавливается перевести дух. Опирается спиной на массивную колонну, морщится от боли в икрах. И наблюдает устало, как Жиль, шатаясь, ковыляет по песку.

— Вот смотрю на тебя и думаю: ты младше меня почти на десять лет, а ползёшь еле-еле, как жирный старый элитарий. Стыдись!

Поравнявшись с ней, Жиль отвечает:

— В-вот смотрю я н-на тебя сейчас — и в-вижу злую п-подтирку для жопы. Хотя ты в-вроде д-добрая девушка, вот так вот, — и тут же бросается бежать.

Акеми позволяет ему удалиться на несколько метров, за это время стаскивает с ноги тяжеленный ботинок, тщательно прицеливается и швыряет. Башмак с металлической набойкой на подошве прилетает Жилю аккуратно между лопаток. Мальчишка жалобно вскрикивает и падает в пыль. Удовлетворённо хмыкнув, Акеми усаживается под опору, подобрав под себя ноги.

Жиль кашляет, отплевывается, быстро садится, хватая ботинок и готовится ловить второй. Акеми видит его перепуганное лицо и с трудом удерживается от смеха. Победитель не должен злорадствовать — только тогда победа будет чистой.

Секунды бегут, холод пробирается под одежду. Кожа покрывается мурашками, чешется от корочек присохшей соли. Ветер гонит волны мелкого песка и бурой пыли, замечает дорогу из бетонных плит, ведущих от города к пляжу. Высотки, ближе всех стоящие к границе города, слепо таращатся пу-

Азиль

стыми оконными пролётами. Жиль напряжённо смотрит на безмятежно сидящую у опоры девушку.

— Ну? — не выдерживает он наконец.

Акеми кивком указывает на ботинок в его руке:

— Принеси обратно.

Жиль сплёвывает в сторону, усмехается и сообщает:

— Квиты. А ещё д-друг называешься. Вот так вот.

Он подходит к Акеми, отдаёт ей ботинок. Дожидается, когда девушка обуется, помогает ей подняться.

— Бака, — почти нежно говорит она и ерошит светлые волосы мальчишки.

До города они идут молча. Акеми мрачно размышляет о предстоящем разговоре с хозяевами сейнера, Жиль насвистывает что-то заунывное, пиная попадающиеся по пути камешки. Постепенно они минуют заброшенный квартал, и на улицах начинают попадаться прохожие. Косятся с удивлением на парочку, провожают взглядами. Мокрый человек на улицах Азиля в погожий день — явление из разряда невероятных. В море выходят только единицы — те, кто ради кормёжки, одежды и медицинского обслуживания готов дышать дрянью, сокращающей жизнь лет на десять. А идущие со стороны пляжа двое вымокших и шатающихся от усталости рыбаков в спасжилетах — вообще знак беды. Море — единственный источник пищи, хоть как-то отличающейся от кукурузных лепёшек на воде и безвкусного белкового бульона с синтезированными добавками необходимых веществ, к которым привыкли жители Третьего круга Азиля. И когда добытки морских даров возвращаются с видом побеждённых...

— Бесит, когда так пялятся, — рычит тихонько Акеми.

— Н-не злись. Их там не б-было.

— Вот именно! И зачем тарашиться, будто перед ними отъявленные неудачники, которые просрали весь мир? — взрывается девушка.

Жиль сердито шикает на неё, тянет за локоть в переулок.

— Их т-там не было, — повторяет мальчишка. — Они н-не видели. Не п-поймут, вот так вот. Не т-трать зря силы.

Акеми глубоко вдыхает, мысленно считает до тридцати. Приступ гнева уходит, она снова спокойна и сдержанна.

— Давай пробежимся, если сможешь. Тут уже недалеко осталось, а нам бы согреться.

И снова хлупает в разбитых ботинках вода и болят натруженные мышцы. Зато чужие взгляды пролетают мимо, как быстрые испуганные рыбёшки. Это уже не та рыба, что может тебя съесть. Это мелочь, недостойная внимания.

Жиль ловит на бегу посветлевший взгляд Акеми и украдкой улыбается. Его охватывает гордость всякий раз, когда удаётся выглядеть в глазах Акеми взрослым и рассудительным, а не обидным «бака». Жаль, что такие случаи пока выпадают редко. «Как Орб не несёт свои воды вспять, так и ты не становишься моложе», — вспоминает он сказанное отцом Акеми. Но это Жилья не расстраивает. Когда ты всего лишь подросток, перспектива необратимости взросления только в радость.

— Вот так вот, — словно читая его мысли, подмигивает мальчишке Акеми.

В столовой почти безлюдно. Проверяющая — рыхлая и бледная немолодая женщина — тихо дремлет у входа. Жиль шёпотом предлагает прошмыгнуть мимо неё, поесть, а потом выйти через служебный вход, вернуться и поесть ещё раз, но уже проставив на предплечье обеденный штамп. Акеми молча отвечает ему подзатыльник, но мысленно признаёт, что план мальчишки не так уж и плох.

— Мадам, — обращается она к женщине. — Здравствуйте, мадам. Как нам найти месье Дювала?

Проверяющая щедро зевает — её дыхание дурно пахнет. Поправляет синий форменный комбинезон, выбирается из-за стола и идёт в сторону кухни.

— М-мадам! — окликает её Жиль. — Нам бы п-поесть...

Азиль

— Я не могу разорваться, — растягивая слова, отвечает женщина. — Сначала одно, и только потом другое.

И исчезает за углом, откуда доносится грохот посуды и плеск воды. Обеденный перерыв недавно закончился, и работники кухни торопятся перемыть миски и кружки за целой толпой народу. Жиль принохивается, глотает слюну.

— Н-нам могут отказать в п-питании, к-как думаешь? К-кажется, талоны слиплись в к-кармане ...

Акеми пожимает плечами.

— Мы теперь безработные. Наверное, могут.

— А если н-не сообщать, что...

— Бака! — обрывает его девушка. — Узнают — отправят на чистку канализации. Или на вредное производство. И пайку урежут вавое.

Проверяющая вскоре возвращается, и с ней идёт мужчина лет тридцати в дешёвом, но очень аккуратном сером костюме. Акеми обращает внимание на его чистые, ухоженные руки и бережно подстриженные, тоже чистые волосы. И давит вздох.

— Здравствуйте, — обращается она к мужчине. — Это вы месье Дюваль?

— Да, я. А кто вы?

— М-мы с сейнера «П-проныра», — встречает Жиль раньше, чем Акеми успевает его одёрнуть.

Дюваль кивает, прищурившись.

— С бывшего сейнера «Проныра», ведь так?

Жиль и Акеми сокрушённо вздыхают.

— Мы не единственные уцелевшие? — осторожно интересуется девушка.

— Конечно. Иначе откуда бы мне знать, что сейнер затонул? Давайте сядем и поговорим. Голодны? Вижу, что да.

Жиль вытаскивает из кармана то, что осталось от талонов на питание, протягивает бурю бумажную массу Дювалю. Тот понимающе кивает, забирает бумажный комок и указывает Жилю и Акеми в сторону столовой:

— Пройдите. Я догоню.

Помещение столовой длинное и узкое, как лента водоросли. Жиль молотит жидкую кукурузную кашу так, будто не ел неделю. Акеми неторопливо потягивает из кружки кипятка с тремя ложками сахара и рассказывает Дювалю, что с ними произошло. Выпитые полстакана рома делают девушку весьма словоохотливой.

— Я не знаю, как описал эту тварь Пьер, но мне она показалась огромной. Таких громадин я в жизни не видела, месье Дюваль! Она сперва прошла под судном, качнула его. Я даже упала. А потом метрах в десяти от нас показался её хвост. Представляете себе рыбий плавник с пятиэтажный дом?

Дюваль кивает, хмуря кустистые брови. Акеми взбалтывает остатки сахара в кружке, делает ещё глоток.

— Она белая-белая. До сих пор перед глазами стоит эта белизна под водой. Пьер её видел?

— Хвостовой плавник, — подтверждает Дюваль.

Акеми отставляет опустевшую кружку, задерживает взгляд на рукаве куртки, который теперь украшает свежая прореха.

— Дальше я плохо помню. Прыгнула за борт, потому что поняла, что если останусь — погибну. Я видела берег, плыла туда. Потом нашёлся Жиль, и мы выбирались вавоём.

— Эта ммм... рыба вас не преследовала?

— Нет. Мне кажется, мы слишком малы для неё.

Девушка тербит дырявый рукав, смотрит на Жюля, потом на свои руки — и спрашивает:

— А вы нам вообще-то верите?

Дюваль медлит, пожимает плечами... и только открывает рот для ответа, как с улицы доносится истошный вопль:

— Лёд!!! Все сюда!

Жиль подпрыгивает с места первым, несётся на кухню. Акеми и Дюваль бегут за ним. В кухне несколько человек уже набирают воду в вёдра.

— Б-быстрее же! — торопит мальчишка, приплясывая на месте с пока ещё пустой кастрюлей в руках.

Азиль

Набрав воды, все трое спешат на улицу. На углу соседнего здания толпится народ, по цепочке передают ёмкости с водой. Люди сосредоточены и взволнованы, из окон окрестных домов с любопытством глазеют дети.

— Смотрите под ноги! — кричит кто-то впереди Жилия.

Мальчишка успеваает свернуть, едва не налетев на торчащий из-под земли бледно-голубой островерхий кристалл. Останавливается и льёт воду из кастрюли на идеальный блестящий шестигранник — бережно, тонкой струйкой. Кристалл дробится на острые брызги, которые тают, едва коснувшись земли. Вода иссыкает, оставив от него кусок не больше детского кулачка. Жиль крошит кристалл подошвой ботинка, а потом озирается — не видит ли кто? — расстёгивает штаны и с наслаждением мочится на разбитый лёд. Покончив с кристаллом, он осматривается вокруг в поисках ледяных ростков. И мысленно считает до ста, помня, что новые «всходы» не появляются позднее минуты-двух от самого первого. Чисто. Видимо, кристалл, который он разрушил, был последним.

За несколько минут толпа рассасывается, люди возвращаются к своим делам. К Жилию подходит Акеми с пустым ведром. Он улыбается ей и гордо вскидывает подбородок.

— Я п-последний загасил! — хвалится мальчишка. — В-вот так вот!

— Я помогала растопить первый, судя по величине. Метровый.

— Н-никто не пострадал?

— На этот раз никто.

Они возвращают кастрюлю и ведро проверяющей в столовой и дожидаются Дюваля. Тот сейчас мало чем отличается от них: мокрый, всклокоченный, в грязных ботинках.

— Странно, — задумчиво говорит он. — Очень быстрый рост. Раньше такого не было.

— Сантиметров семь в минуту? — уточняет Акеми.

— Гораздо быстрее. Больше десяти.

Жиль удивлённо присвистывает.

— Здесь был кристалит, — уверенно кивает Акеми. — Без вариантов.

— Или л-лёд учится расти б-быстрее. Он умнеет.

— Бака! — фыркает девушка. — У льда мозгов не больше, чем у тебя.

Жиль обиженно сопит и отворачивается. Дюваль выдерживает паузу и касается плеча Акеми:

— Давайте-ка оба в соцслужбу. Сириль не будет вас содержать за свой счёт, будь вы хоть четырежды героями. Получите работу, замените фильтры, переоденитесь. За углом налево — остановка гиробуса, соцслужба отсюда в трёх секторах по часовой стрелке. Если вы нам понадобитесь, вас найдут.

Коротко кивнув вместо прощания, Дюваль уходит. Жиль и Акеми провожают его глазами, потом мальчишка решительно направляется к остановке.

— Эй, рыбой ушибленный! — кричит Акеми. — Без меня ни шагу!

Спустя полчаса скрипучий красный гиробус увозит их из Шестого сектора.

Любой житель Второго и Третьего круга Азиля старше тринадцати лет знает, как найти здание социальной службы города. Указатели есть на каждом перекрёстке, а не запомнить с первого раза облицованную снежно-белой плиткой помпезную десятиэтажку и эмблему на её фасаде — руки взрослого, вкладывающие в руки ребёнка яблоко, — простительно ну разве что младенцу. А что настоящее яблоко почти никто из обитателей Третьего круга никогда не видел, не так уж и важно. Соцслужба работает в каждом четвёртом секторе. И занимается трудоустройством горожан и обеспечением их жизненно необходимыми вещами: одеждой, лекарствами, мелкими предметами быта и жильём.

Акеми и Жиль проводят в этом здании четыре долгих часа. Сначала одна очередь — к терминалу, у которого их встречает чистенькая улыбчивая девушка.

Азиль

— Здравствуйте, добро пожаловать! — шепчет она. — Я рада вас приветствовать в бюро социальной защиты и найма. Меня зовут Симона. Расскажите мне, по какому вопросу вы пришли, и мы выберем для вас соответствующий раздел помощи.

Акеми смотрит на неё с лёгким отвращением. Что-то неестественное кроется в улыбке этой миленькой чистюли, в её аккуратно уложенных светлых волосах, в подогнанной строго по фигуре отутюженной униформе. Жиль смущённо сутулится при виде красотки, поднимает повыше воротник куртки, пряча левую щёку.

— Мы остались без работы, нам бы заменить воздушные фильтры и по возможности переодеться в сухое, — безэмоционально диктует Акеми.

Не переставая улыбаться, Симона нажимает несколько клавиш под монитором терминала и просит:

— Пожалуйста, подходите по одному и позвольте системе опознать ваш код.

Акеми подходит к терминалу, становится спиной к нему на место, обозначенное на полу белым крестом. Склоняет голову, открывая вытатуированную на шее цепочку из цифр и тонких линий. Симона запускает сканирование и сообщает:

— Пожалуйста, стойте неподвижно. Вся процедура идентификации займёт не более тридцати секунд.

Меньше чем через минуту терминал издаёт мягкое гудение и выплёвывает в нишу под экраном, на котором высветились данные Акеми, три жетона разной формы. Симона подаёт их девушке и поясняет:

— Этот жетон — для получения нового воздушного фильтра, вам с ним на третий этаж, секция справа. Этот — на склад одежды, он у нас на первом этаже, вон там. И последний — в отдел трудоустройства, седьмой этаж.

Акеми кивает вместо слов благодарности, забирает жетоны и отходит в сторону подождать Жилья. Мальчишка повторяет ту же процедуру идентификации. Акеми смотрит на

него, пока он стоит спиной к сканеру, и не может отделаться от ощущения, что Жиль чего-то очень сильно боится. Губы сомкнуты в прямую линию, взгляд направлен в пол, кончики пальцев сжаты шепоткой и словно что-то монотонно перетирают. Нервничает? Почему? Когда Жиль возвращается с полученными жетонами, Акеми прямо спрашивает, что с ним происходит.

— Н-напрягает, — хмуро отвечает мальчишка и отворачивается.

Они быстро заменяют капсулы воздушных фильтров на новые, получают по комбинезону и комплекту нижнего белья и по паре акриловых пледов. И, переодевшись по очереди в тесном, грязном туалете, следуют в отдел трудоустройства. В зале ожидания около восьмидесяти человек. Воняет потом, в одном углу кто-то надсадно кашляет, из другого доносится богатырский храп. Акеми вспоминает, что раньше здесь стояли длинные скамьи — но теперь их нет, и люди стоят вдоль стен или сидят на полу. Выяснив очерёдность, парочка усаживается, завернувшись в пледы, и готовится долго-долго ждать. Пока подходит их очередь, они успевают поспать, прижавшись друг к другу.

Первой в маленький кабинет заходит Акеми. Вежливо здоровается с немолодой женщиной, сидящей за компьютерным столом. У неё внимательный, цепкий взгляд и морщины около рта, придающие лицу жёсткое выражение.

— Присаживайтесь. — Она указывает на стул напротив двери. — Как ваше имя?

— Акеми Дарэ Ка, мадам.

Клавиши щёлкают под пальцами женщины, она задаёт вопросы, не глядя на визитёршу.

— Возраст?

— Двадцать три года.

— Профессиональные навыки?

— Общие, наверное, — отвечает Акеми с запинкой.

— Где работали прежде?

Азиль

— Посудомойкой в одиннадцатом секторе, потом три с половиной года рыбачила на сейнере «Проньра».

— Почему менялось место работы? Вас увольняли?

— Нет. В море было опаснее, но там лучше с кормёжкой. С сегодняшнего дня я там не работаю. Потому что сейнер затонул.

— Как это случилось? Халатность экипажа?

Акеми мнётся. Тон женщины вроде бы доброжелательный, но девушку не оставляет ощущение, что её пытаются очернить.

— Халатности не было. Сейнер столкнулся с... — она снова запинаясь, подыскивая слова. — Это прозвучит странно и нелепо, но... Нас потопила какая-то громадная тварь.

Лицо женщины остаётся бесстрастным. Щёлкают клавиши, звучит следующий вопрос:

— С кем вы живёте? Одна или есть семья, дети?

— Я живу с отцом и сестрой. Детей нет.

— Какой у вас уровень доступа?

Акеми молчит. Во рту сухо, она не может произнести то, что отрежет её от любой работы, кроме посудомойки или уборщицы. Женщина-соцработник наконец-то поднимает глаза от компьютера.

— Какой у вас уровень доступа? — мягко повторяет она.

— Третий.

Щёлк, щёлк, щёлк... Девушке кажется, что это не клавиши стучат под пальцами, а кто-то бросает в неё камни.

— Какой уровень доступа был вам присвоен в тринадцать лет?

— Второй.

— По какой причине его понизили?

Акеми упирается взглядом в стену перед собой. Внутри неё кипят слова, готовые хлынуть потоком дерзостей и горьких обвинений, к горлу подступают злые слёзы. «Надо быть как камень, — думает она, стискивая зубы. —

Камни не испытывают эмоций, камень твёрд. Камень не делает зла». Она старается расслабиться, дышать ровнее и глубже.

— По какой причине вам понизили уровень доступа?

— Агрессия, — глухо отвечает Акеми.

Женщина хмурится. Всего мгновение — но Акеми успевает это заметить.

— Вы посещаете церковь?

— Нет. Я не католичка.

Снова щёлкают клавиши, отмеряя секунды. Девушка ждёт следующего вопроса с затаённой тоской.

— Акеми, я напомню, что раз в пять лет вы можете подать заявку на пересмотр вашего уровня доступа.

— Да, мадам, спасибо.

Губы женщины трогает лёгкая улыбка.

— Я просмотрела вакансии, на которые вы можете претендовать. Учла влияние места работы на возможность повышения уровня доступа. Есть только один вариант, но он очень неплох.

— Какой?

— Работник траурного зала крематория. Это в вашем родном секторе, не придётся ездить через весь город.

Акеми молчит, и это молчание подводит черту под диалогом.

— Приступаете с послезавтрашнего дня, а завтра о вас сообщает управляющему, — бодро говорит соработница. — Адрес: сектор одиннадцать, Четвёртая линия. Чтобы отработать одежду и плед, первые две недели ваш рабочий день будет составлять двенадцать часов с одним выходным в неделю, далее — по десять часов с одним выходным в неделю. Всё, вы можете возвращаться домой. Если что-то понадобится, вы всегда можете к нам обратиться.

Девушка покидает кабинет с таким подавленным видом, что Жиль пугается:

— Т-ты чего?

Азиль

— Иди, — шепчет Акеми и вяло машет рукой в сторону двери. Бредёт туда, где лежат их вещи, садится на пол в позу для медитации и закрывает глаза.

«Я должна стать камнем. Только так я всё преодолею...»

Через несколько минут её трясёт за плечо вернувшийся Жиль. Лицо у него раздосадованное, хоть он и пытается бодриться.

— В-вставай, уходим. Я т-теперь работник п-целлюлозной фабрики, в-вот так вот, — сообщает он. — Хотя я ч-честно просился охранять склад п-продуктов или в-велорикшить в п-парке для элитариев на Вт-втором круге. А т-тебя куда?

— А меня — в самое спокойное место этого города, — бодро говорит девушка. — Ну что, по домам?

Жиль мнётся, переступая с ноги на ногу.

— Чего? — с подозрением спрашивает Акеми.

— М-мой сосед бабу п-привёл. И д-день, и н-ночь... — бурчит Жиль, щёки его покрываются пунцовыми пятнами. — М-можно я разок у вас п-переночую?

— А к отцу Ланглу чего не вернёшься?

Вместо ответа мальчишка нагибается и подбирает с пола плед. Сворачивает его аккуратно, закидывает на плечо и идёт к выходу. Акеми хочется догнать его и остановить, но она этого не делает.

Камень не должен сомневаться. Ни на мгновение.

III

Жало

Ники Каро лежит, зарывшись в накиданные на кровать подушки, и мечтает оказаться где угодно, только не дома, в своей постели. Он вернулся в особняк Каро в пять утра: доехал с трудом, помял крыло электромобиля, задев фонарный столб, бросил машину у гаража одним колесом на газоне, оставил открытой входную дверь и наследил на любимых матушкиных персиковых коврах. Сейчас у Доминика ноют все мышцы, и он радуется только тому, что догадался, вернувшись, запереться в своей спальне на два замка. С девяти утра мадам Каро каждые полчаса требует открыть дверь и объяснить. Периодически к ней присоединяется супруг, и они клянут младшего сына дуэтом. Ники скрипит зубами, глубже закапывается в подушки и пытается дремать, когда голоса родителей смолкают.

Стук в очередной раз вырывает его из зыбкой дрёмы. Доминик рывком садится на кровати, швыряет в сторону двери подушку и в ярости орёт:

— Да пошли вы в жопу!!!

Стук возобновляется, но на этот раз он исходит не от входной двери, а со стороны окна. Кряхтя и охая, Ники спускается с постели, раздёргивает тяжёлые шторы и видит Амелию, сидящую снаружи на подоконнике.

— Бог ты мой, конопуха, второй этаж! — восклицает Доминик.

Азиль

— Если ты меня непустишь, я прыгну и убьюсь, — мрачно заверяет она.

Ники поднимает раму, и довольная улыбающаяся девочка оказывается в его комнате. Поправляет пышную розовую юбку, смотрится в пыльное зеркало и озирается по сторонам.

— Ну у тебя и бардак! — выдыхает она восхищённо. — Ты что — убил и съел горничную?

Обходит комнату, поднимает с пола подушки, забрасывает их на кровать. Трогает ножкой в белом чулке валяющийся ботинок, рисует пальцем в пыли на столе. Доминик со вздохом опускается в кресло у окна.

— Ты как сюда забралась?

— Залезла на яблоню.

Амелия берёт в руки небольшой свёрток из целлюлозной бумаги, перевязанный синей лентой:

— Это мне, да?

— Положи. Это для моей девушки.

Она фыркает, но слушается. Шелестит юбкой, залезая на подлокотник кресла, придирчиво рассматривает Ники.

— Что? — бурчит он.

— Папа сказал, что ты конченный придурак, — торжественно объявляет Амелия. И тут же получает шлепка по губам.

— Не смей ругаться, гадкая конопуха! Рот зашью!

— Папа при мне сказал — значит, можно повторять. Если бы он сказал, а я подслушала — то ага, нельзя, — говорит Амелия обиженно. И тут же спрашивает: — А что такое «конченный придурак»?

Ники задумчиво чешет макушку. Он никак не может решить, что правильнее сделать: надрать поганке уши или ответить на заданный вопрос. Интуиция подсказывает, что вернее всего было бы врезать старшему брату, но так как Бастиана нет поблизости, этот вариант отпадает. Амелия смотрит на дядю выжидающе, и в её взгляде Доминику чудится насмешка.

Внезапно Ники ощущает небывалый прилив сил. Улыбается и беззаботно отвечает племяннице:

— Конченный придурок, милая, — это я. Я окончательно и бесповоротно делаю, что хочу, и это раздражает окружающих. Например, твоего папу. И маму, наверное, тоже.

— Маму не раздражает. А вот бабушка сейчас так противно визжит на первом этаже, что о-ля-ля! — Амелия воздевает руки, пародируя жест, которым великосветские дамы выражают восхищение. И продолжает: — Дядя Ники, почему, когда я хулиганю, никто не кричит, а когда ты...

— Я не хулиганю, — строгим голосом перебивает её Ники. — Я заявляю о себе.

Амелия вздыхает и ложится поперёк кресла, спиной на колени Доминика. Болтает ногами, смотрит на небритый подбородок дяди снизу вверх.

— Это одно и то же. Просто детей наказывать можно, а взрослых нет, и на взрослых остаётся только орать. Вот вы и называете одно и то же разными словами.

— Мадемуазель Каро, вы непростительно умны для своего возраста. Вы где-то прячете пузырёк с волшебными таблетками, от которых растёт интеллект?

Амелия перестаёт болтать ногами, переворачивается на бок, тычет пальцами в пуговицы на рубашке Доминика.

— Что растёт?

— А, не такая умная, — хмыкает Ники, поднимает Амелию под мышки и ставит на пол перед собой. — Интеллект — это ум.

— Угу, взрослое слово, — кивает она. — Нет никаких волшебных таблеток. Волшебство есть только в маминых сказках, а там всё выдуманно. А я просто много читаю.

— Портишь свои прекрасные карие глаза. Кстати, ты зачем сюда явилась?

Амелия пожимает плечами и направляется к выходу, стараясь идти вдоль полосы узора на ковре.

Азиль

— Конопуха! — напоминает о заданном вопросе Доминик.

Маленькие детские руки тянут дверную ручку вниз, потом дёргают сильнее, но дверь заперта и не поддаётся.

— Открой, — сурово требует Амелия, не поворачиваясь к Ники.

Он отпирает оба замка, услужливо распахивает перед девочкой дверь. Амелия гордо вскидывает подбородок и выходит. На пороге оборачивается и говорит:

— Хоть ты и неуч, но ты мой друг. И когда все вокруг кричат, что ты ужасно себя вёл, мне не хочется кричать то же самое. Я приходила, чтобы сказать, что больше на тебя не дююсь. А ты мне даже не обрадовался.

И убегает, глухо топоча босыми пятками по ковровым дорожкам и поддерживая пышную юбку. Ники глядит ей вслед и чувствует себя уязвлённым. Потом с грохотом захлопывает дверь, прислоняется к ней спиной и переводит дыхание. Взгляд скользит по стене напротив, увешанной фотопортретами предков, стоявших у истоков создания Азиля. Двести лет истории.

— Уверен: вас никто не считал конченными придурками, — с вызовом обращается к ним Доминик. — И вряд ли только потому, что никто из вас не был лишним ребёнком. Вы заставили себя уважать, ведь так? И я докажу, что показывать зубы в этом доме способна не только шестилетняя девчонка.

Ему кажется, что люди с фотографий смотрят на него с одобрением.

Ники переодевается в свежую одежду, выбрав вместо привычных джинсов и лёгкой рубахи костюм для официальных визитов, кивает своему отражению в зеркале и с улыбкой касается лежащего на столе свёртка, перевязанного синей лентой.

— Сегодня, Кей.

Обеденный перерыв в заседании Совета Семи близится к концу. Бастиан Каро доедает остатки изысканного порционного киша с морской рыбой, отряхивает крошки с брюк салфеткой, покидает своё место и подходит к окну. Столовая находится на высоте четырёхсот семидесяти метров над землёй, охватывая башню Оси кольцом, и весь Азиль виден как на ладони. Если идти вдоль стеклянной внешней стены, видны поля, фабрики, далёкое море и все двенадцать секторов Третьего круга, отделённые друг от друга бетонными стенами с КПП. Это необходимо на случай вспышек опасных болезней: всегда можно закрыть сектор на карантин. Ядро города утопает в зелени, в которой видны крыши аккуратных домов местных жителей. Дома настолько надёжны, что по прошествии двухсот лет существования Азиля им почти не нужен ремонт. Бастиан мысленно благодарит архитекторов из далёкого прошлого, смотрит на табло электронных часов и спешит подняться на десять этажей выше, в зал заседаний. Возвращаясь из столовой, он не пользуется лифтом: Советник обязан быть в превосходной физической форме. Многие жители Ядра настолько разожрались от хорошей жизни, что один лишь взгляд на них будит волны брезгливости. Если судьба избрала тебя для руководящей роли, ты обязан быть образцом для подражания — вот принцип, которому Советник Каро следует неотступно. Подтянутое, тренированное тело, острый ум, прекрасная память, максимальная самоотдача в работе. Когда ты — один из семерых, отвечающих за выживание целого города, приходится жить делом, которому служишь. Особенно если твой город — вероятно, последний оплот человечества.

Бастиан вспоминает разговор, состоявшийся год назад, во время одного из светских раутов. Обсуждали попытки обнаружить уцелевших вне Азиля. Нашупать осколки цивилизации, как выразился Пьер Робер — третий Советник и муж сестры Бастиана, Софи. Он отвечает за системы безопасности

Азиль

Азиля, работу с данными и уцелевшей компьютерной сетью. Пьер утверждал тогда, что ещё сорок лет назад на радиосвязь выходили убежища из Австралии, Канады, Китая, Арабских Эмиратов и с северо-востока России, но потом произошла поломка, которую не удалось устранить, и связь пропала. Несколькими десятилетиями раньше общение происходило более чем с десятком стран.

«Мой предшественник говорил, что они умолкали по очереди, — рассказывал Пьер. — У одних разразилась эпидемия. У других — война. Третьи пропали внезапно. Наверное, мы для кого-то тоже исчезли без видимой причины».

Но потом, когда Робер вышел из комнаты, де Ги, старейший из Советников, сказал, что радиосвязь с внешним миром в Азиле вышла из строя слишком давно. Что не осталось тех, кто мог бы помнить её работающей. И что Пьер слишком молод, а молодости присущи ложные надежды.

«Никого больше нет. Мы последние. Помните об этом каждую минуту», — сказал де Ги.

Бастиан Каро помнит. Но почему-то не верит в то, что Азиль — единственный город, где есть жизнь. «Мы должны выжить и найти способ выйти на связь с другими убежищами. Даже если прав де Ги, а не Робер, это ничего не меняет, — думает Бастиан. — Это наш город, и мы обязаны сбереечь его для выживания человечества».

Ещё несколько ступенек, поворот направо, сорок семь шагов по красной ковровой дорожке, что лежит на полу из пёстрого мрамора. Тяжёлая дверь с сенсорным замком. Бастиан прикладывает к считывающей панели ладонь, замок коротко щёлкает, впуская Советника в зал совещаний. За длинным столом в неудобных жёстких креслах с высокими спинками сидят четверо коллег Бастиана. Не хватает только вечно опаздывающего Советника Фейада. И традиционно пустует по средам место Седьмого во главе стола. Старинные механические часы гулко и коротко бьют, приглашая продолжить совещание. Бастиан проходит на своё место, садится и достаёт

из папки на столе несколько листов желтоватой бумаги, исписанных мелким, ровным почерком.

— Я позволю себе начать, не дожидаясь месье Фейада, — с лёгкой полуулыбкой обращается к присутствующим Бастиан. — Так как почти ничего нового я не скажу, не думаю, что он пропустит что-то важное.

Последняя фраза вызывает улыбки, Пьер Робер негромко смеётся. Бастиан сохраняет невозмутимое выражение лица и принимается за доклад.

— Итак, вкратце расскажу о ситуации с продуктами питания. Темпы расхода прошлого урожая соответствуют запланированным, население Второго и Третьего кругов получают кукурузную муку, сою, дважды в неделю картофель и сушёные яблоки в виде компотов. В сублимированном бульоне с растворёнными необходимыми микроэлементами и аминокислотами население города недостатка не испытывает. Как и в бурбоне. До следующего урожая остаётся примерно месяц, тех продуктов, что находятся в запасниках, при заданной норме расхода хватит ещё на три месяца. К сожалению, хуже стала ситуация с морепродуктами. Вчера мне доложили о крушении одного из наших рыболовецких судов. Значит, рыбы и водорослей в Азиль будет поступать значительно меньше.

Приоткрывается входная дверь, в зал совещаний протикивается Советник Фейад. Одышливо пыхтит, всем своим видом выражает, что очень спешил. Бормоча извинения, он садится в своё кресло и шумно возится, раскладывая перед собой бумаги. Бастиан выдерживает паузу и обращается к опоздавшему:

— Месье Фейад, вы готовы присоединиться к работе?

— Да-да, конечно, — поспешно отвечает он.

— Что у нас с демографией и состоянием здоровья населения за месяц? Стоит ли добавлять в церковное причастие афродизиаки или контрацептивы?

Советник Фейад откашливается, хватая со стола исписанные листы, пробегает взглядом по строчкам.

Азиль

— Эммм... Уважаемый Совет, демографическая ситуация за март несколько пошатнулась... Изменилась. Немного.

Бастияна раздражает несобранность Фейада, его комканая речь. Но приходится слушать, вылавливая из бессвязного потока слов нужную информацию.

— Значит, так, — бормочет Фейад, шурша бумагами. — Где ж у меня это... А, вот. В четвёртом секторе Третьего круга после эпидемии повымерло сорок три человека. Родилось вроде как шестнадцать. В первом, седьмом и десятом, кажется, всё стабильно. В двенадцатом и восьмом пожары забрали тринадцать жизней, в девятом секторе померло семь человек, потравившись рыбой. В общей сумме родилось в Третьем круге где-то около ста восьмидесяти младенцев, умерших побольше — двести двадцать девять. Второй круг более благополучен, там родилось пятьдесят восемь карапузов, умерло за месяц двенадцать человек.

— Добавлю как ответственный за безопасность, — поднимает руку Советник Робер. — В результате криминальных разборок потери по Третьему кругу составляют девять человек за март официально и двадцать два неофициально. Тринадцать из двадцати двух остаются неопознанными. Во Втором круге криминальная обстановка спокойная, как обычно. Бунтов не было, народ в целом спокоен, наши информаторы докладывают, что неприятностей нам с вами ждать неоткуда.

По залу проносится одобрительный гул, Советник Фейад торопится сесть и собрать в стопку свои бумажки. Бастиян Каро смотрит на колонки цифр «прибыло-убыло», хмурится. Почему никто не сказал ему об эпидемии в четвёртом секторе Третьего круга? На этих самых людях, которые гибнут десятками от болезней, держится Азиль. И наверняка никто не пытался им помочь. Снабжение лекарствами тоже на Бастияне — так почему никто не удосужился сказать ему, что требуется помощь?

— Месье Фейад, что за эпидемия была в четвёртом секторе? — спрашивает он, чётко проговаривая каждое слово. —

Какие меры принимались для ликвидации болезни? Чем лечили людей?

— Ну... Это было что-то бактериальное. Вроде как холера. Наверное. Её лечить-то бесполезно, месье Каро, вы же сами знаете, — оправдываясь, мямлит Фейад.

Бастиан борется с острым желанием разораться и швырнуть в Фейада чем-нибудь потяжелее. Спокойствие даётся ему с трудом.

— Советник Фейад, верно ли я понимаю, что никаких мер для лечения людей не предпринималось? — задаёт он ещё один вопрос.

— Я лично распорядился собрать всех заболевших в карантин, — еле слышно отвечает Фейад.

— Почему я только сейчас слышу, что сорок три человека погибли без лечения? — Бастиан сам не замечает, как повышает голос почти до крика.

— Месье Каро, — останавливает его Советник Лефевр. — Мы же не в суде. Давайте не будем давить друг на друга, а постараемся предотвратить повторение подобных инцидентов и подумаем, как помочь другим.

Советник Фейад подлакивает, обрадованный появлением неожиданного заступника. Бастиан мысленно считает до тридцати — очень медленно, дожидаясь, когда стихнет гнев, потом поднимает руку, прося слова.

— Да, месье Каро, — одобрительно кивает Лефевр.

Бастиан встаёт, поправляет безупречно подогнанный по фигуре сюртук.

— Уважаемый Совет. Я хотел бы напомнить вам: всё то, что мы имеем, держится на труде низших слоёв общества. И, конечно, на искусстве распределения между людьми того, что нам удаётся добыть и создать. Если некому будет добывать и созидать, вся система рухнет. Я это к тому, что даже о нищете с окраин надо заботиться. Если не контролировать эпидемию, она выкосит весь Азиль. И нас с вами не пощадит. Я очень надеюсь, что вы все меня поняли правильно.

Азиль

Совет одобрительно гудит, Фейад сутулится, смотрит в стол перед собой. Его отражение в отполированной тёмной поверхности выглядит печально.

— Месье Каро, — окликает Робер. — А что там с крушением судна? Причины произошедшего, варианты решения проблемы?

— Как мне доложил Сириль, которому принадлежало судно, сейнер «Проныра» столкнулся в море с чем-то похожим на гигантскую рыбу. Из всей команды уцелело четверо, их показания совпадают, и у Сириля нет причин не верить этим людям. И если дело обстоит именно так, как нам представили, выход в море представляет опасность и для других судов.

— Ну и запретить все эти морские прогулки, — басит Советник Лефевр. — Официально же у нас никто не занимается мореходством, слишком это опасно для здоровья. Пусть население питается тем, что растёт на нашей земле.

— У меня другое предложение, — возражает Бастиан. — Если водоросли и рыба — неплохое дополнение к скудному рациону наших горожан, то доступ к морю перекрывать нельзя. Надо обезопасить оставшиеся четыре судна. А большая рыба — это много еды. Уважаемый Совет, я предлагаю найти и убить эту тварь. Мы обсуждали это с Советником Робером. У нас есть гарпунная пушка. Дело за метким выстрелом, как я понимаю.

Советник де Ги поднимает руку, покрытую старческими тёмными пятнами. Бастиан умолкает, предоставляя ему слово.

— Вы молоды и горячи, месье Каро. — Речь старшего из Советников звучит монотонно и тягуче. — Идея, которую вы предлагаете, выглядит очень простой. Но задумайтесь: кто из жителей владеет навыками забоя подобных тварей? Кто умеет обращаться с гарпунной пушкой? Привести её в порядок и установить на судно — небольшая проблема. Но что люди будут делать с ней дальше?

Советники молчат, ожидая ответа от Бастиана. По их лицам он понимает, что никто не собирается ничего предлагать. Ответственность за предложение всецело на нём, и лишь ему одному искать выход из ситуации. И от него требуют решения здесь и прямо сейчас.

— Я не боюсь братья за то, чего никогда прежде не делал. Отсутствие опыта — не позор, это поправимо практикой. В городской библиотеке наверняка имеются нужные книги, и я их отыщу. И собственноручно добуду вам эту чёртову рыбину, — твёрдо говорит Бастиан Каро. — Дайте мне два дня на поиск информации, и уже в пятницу я представлю вам перечень того, что мне необходимо.

— Заседание Совета Семи объявляется закрытым, — шеплет де Ги, и его слова тонут в аплодисментах, предназначенных Советнику Каро.

Бастиан возвращается домой пешком. Ему нравится дышать весенним воздухом Азиля, проходя по мосту над Орбом, смотреть на бегущую воду, идти и любоваться цветением садов Ядра. Лепестки вишен начали опадать на прошлой неделе, и их нежно-розовые роскошные облака готовы вот-вот смениться белой кипенью распускающихся яблонь. В палисаднике соседей девушка-садовница поливает ярко-синие ирисы и вежливо кланяется, заметив Советника Каро. Бастиан игнорирует её приветствие, размышляя, что совсем скоро решётку соседской ограды полностью скроют виноградные листья и для того, чтобы полюбоваться цветущими клумбами, придётся заглядывать в гости.

«Велю Веронике развести у нас перед домом какие-нибудь цветы, — думает Бастиан. — Какой толк от роз на заднем дворе, если их не видно от парадного входа? И если жене так нравится возиться с цветами в городском парке, почему бы ей не высадить хоть что-то на газоне?»

Мысли о Веронике вызывают привычное раздражение. За восемь лет брака Бастиан так и не смог к ней привыкнуть.

Первые два года девочка-подросток, ходившая за ним по пятам и глядевшая влюблёнными глазами, раздражала настолько, что Бастиан искал сотни поводов вернуться домой попозже и уйти пораньше. Спасала работа: молодой Каро заступил на место погибшего отца Вероники и постигал сложную науку управления Азилем. Спали супруги в разных спальнях: мысль о сексе с женщиной, у которой ещё даже грудь не оформилась, вызывала у двадцатисемилетнего Бастиана тоску. Их полноценная брачная ночь случилась лишь через год после свадьбы, когда молодая семья получила разрешение на ребёнка. «Формальности должны быть соблюдены, — строго приказал Бастиану отец. — Всегда помни, что ты сейчас занимаешь своё место лишь благодаря браку с ней!»

Когда в Саду отец Ланглу передал им новорожденную Америку, Вероника взяла дочь с выражением лица, которое Бастиан истолковал как разочарование. В тот момент он впервые испытал желание ударить жену. «Забыла своё место? — орал он на неё дома. — Не нравится, что это мой ребёнок и я выбрал её матерью не тебя? Катись к чёрту, это моё право! Знаешь, какие хилые дети рождаются у шестнадцатилетних соплюх? Не смогла родить моего ребёнка — сумей растить и воспитывать!» Вероника плакала, сжавшись в углу, и её плач, искривлённые дрожащие губы и распухшие от слёз веки всё сильнее выводили Бастиана из себя. Как можно не ценить его заботу о её здоровье? Он избавил её от тягот беременности, от родовых мук, от риска умереть, не сумев разродиться, а эта маленькая идиотка посмела косо посмотреть на его, а значит, и свою дочь!

Выговор отлично подействовал на Веронику. Она прекратила таскаться за мужем и смотреть на него обожающими глазами. Всецело посвятила себя дочери. «Хоть что-то у неё получается!» — язвительно отмечала мадам Каро, мать Бастиана. Вероника возилась с крошкой Амелией с утра до позднего вечера, сама купала, сама переодевала, сама готовила на кухне младенческие смеси, учила подростковую дочку читать,

считать. Ей помогала только Ганна — нянька, в своё время вырастившая саму Веронику. Она была единственным советчиком и наставником в воспитании малышки, семья Каро лишь контролировала процесс и результатами была удовлетворена.

Бастиан думает о дочери, и губы трогает лёгкая улыбка. Идеальное дитя. Умное не по возрасту, активное, любознательное, интересующееся делами отца едва ли не больше всех в семье. Он часто шутит, что готов создать прецедент, сделав дочь первой в истории Азиля женщиной-Советником. «Мой рыжий талисман», — нежно думает он, вспоминая, как Амелия сидит на краю его стола, когда он работает. Её завораживает процесс появления на бумаге букв и столбиков цифр из-под отцовского карандаша. Пожалуй, дочь — единственное во всём мире существо, с которым Советник Каро не может быть строгим. Любящим отцом, потакающим малейшим её капризам и способным бесконечно любоваться очарованием своего ребёнка — да, с удовольствием и постоянно. Но никогда — строгим и суровым.

«В субботу свожу её в Ось. Покажу, где работаю. Пусть посмотрит на Азиль с высоты, на которую поднимались лишь единицы». — Бастиан кивает своим мыслям и прибавляет шаг. Не терпится вернуться домой и поцеловать рыжую макушку, пахнущую мужским парфюмом. Он прекрасно знает, где дочь стащила этот флакон и для чего. Она же папина девочка.

На углу улицы, у последнего поворота к резиденции Каро, Бастиан ненадолго останавливается и любуется высокой старой глицинией. Нежно-сиреневые лепестки цветущего дерева падают в подставленную ладонь, ложатся на ладкан тёмного сюртука. «Не верю, что такой красоты не осталось больше нигде в мире, — думает Бастиан. — Если Бог, которым отец Ланглу забивает головы прихожан, существует, он не позволит этому дереву остаться одному. Иначе зачем оно цветёт каждую весну?»

Ещё не переступив порог дома, Бастиан чувствует неладное. Издалека он видит брошенный на газоне электро-мобиль младшего брата, покорёженный фонарный столб — и радостное ожидание встречи с дочерью сходит на нет. А когда Советник Каро видит хмурую Амелию, сидящую на ступеньках крыльца, мрачное предчувствие овладевает им полностью.

— Здравствуй, конопушка, — обращается он к дочери. — Что стряслось?

Амелия закрывает собой входную дверь, растопырив руки и расставив босые ноги, набирает полную грудь воздуха и выпаливает:

— Пап, обещай, что не убьёшь дядю Ники до смерти, иначе туда нельзя!

— Он пьян и что-то разбил в доме? — интересуется Бастиан, подхватывая девочку на руки.

Дочь сурово сопит, строго хмурит реденькие светлые брови.

— Обещай, или мне придётся тебя пнуть!

Бастиан одной рукой открывает дверь, пытается войти в дом, но Амелия хватается за дверной косяк и не пускает его.

— Пап! Это важно! — гневно кричит она.

— Хорошо. Давай договоримся. — Он ставит дочь на ковровую дорожку у двери, присаживается на корточки. — Ты вводишь меня в курс дела, а я решаю, как мне поступить. Договорились, *bien-aimé*?¹

Амелия вздыхает, нехотя кивает.

— Пап, дядя Ники сделал что-то настолько плохое, что бабушка визжит уже о-о-очень давно, а дедушка собирается его убить своими руками. Если я за него не заступлюсь, мне не с кем будет играть дома. Ганна медленно бегает и боится играть в прятки в музейных комнатах, а Клотильда и Люсиль глупые, с ними неинтересно.

¹ *Bien-aimé* (фр.) — любимая.

Бастиан выдавливая улыбку, целует влажную ладошку дочери.

— Обещаю сначала всё выяснить, а потом поступить так, как должен поступить твой папа. Где сейчас все?

Розовый пальчик с обгрызленным ногтем указывает в сторону гостиной.

— Дядя Ники сидит там и молчит на бабушку. Бабушка... ну ты слышишь.

Причитания Ивонн Каро разносятся по всему дому. Бастиан морщится. Материнские истерики он предпочитает пережидать вне дома, но, похоже, сегодня не тот случай. Он разрешает Амелии покрутить глобус в своём кабинете, а сам решительно направляется в гостиную. Ковры на полу делают поступь Бастиана почти беззвучной, но как только он появляется в дверях, мадам Каро кричит, не оборачиваясь:

— Немедленно разуйся!

— Здравствуй, мама, — сдержанно произносит Бастиан, стряхивая с ног ботинки и переступает порог. — Отец, Доминик, доброго дня. Что тут происходит?

Фабьен Каро отходит от окна, обменивается со старшим сыном крепким рукопожатием и кивает в сторону пунцовой от гнева жены, меряющей шагами комнату:

— Ты как раз прервал матушку на самом интересном месте. Твой брат вернулся от трушобных девок едва живой и в побитой машине. Изгадил колёсами газон, наследил на коврах, и мать пытается объяснить ему, что он был категорически неправ.

Младший брат, одетый в свой лучший костюм, приветственно машет Бастиану с дивана. Ники чисто выбрит, причёсан и бледен как смерть. Бастиан шуруется, рассматривая синяки под глазами брата, и спрашивает:

— Что на этот раз, Доминик? Наркотики, дешёвое пойло? К чему такой официальный вид?

— Здравствуй, Бастиан. Я как раз дожидался тебя, чтобы рассказать. Позови Веронику, я хочу, чтобы вся семья была в сборе.

— Вот уж Вероника тут точно лишняя, — возражает старший брат, но что-то во взгляде Доминика заставляет его замолчать.

— Приведи свою жену, — чеканя каждое слово, требует Ники. Улыбается и добавляет: — Пожалуйста.

Бастиан бросает на него уничтожающий взгляд и исчезает в недрах дома. Несколько минут спустя он возвращается в обществе супруги. Вероника привычно сутулится, смотрит в пол и то и дело заправляет за ухо прядь светло-пшеничных волос. Платье на молодой мадам Каро настолько пышное и бесформенное, что с первого взгляда невозможно судить, худа его хозяйка или склонна к полноте. Вероника едва слышно здоровается и присаживается на стул у двери.

— Теперь, когда все в сборе, ты скажешь наконец, что у тебя за новость? — обращается к Доминику отец.

Младший Каро кивает, встаёт с дивана и выходит на середину гостиной. Бастиан невольно вспоминает, как в детстве их с братом заставляли декламировать гостям стихи — точно так же, из центра комнаты. И лицо у Ники сейчас такое же, как в детстве, — сосредоточенное, предельно серьёзное.

— Ты, верно, хочешь извиниться? — с нажимом спрашивает мать.

— Ну разве что перед горничной, которой пришлось чистить ковёр, — слабо улыбается Доминик и тут же снова становится серьёзным. — Нет. Я хочу сообщить вам, что в ближайшее время женюсь.

— Всего-то? — смеётся Фабьен Каро. — Ты обставил эту новость так, будто речь не о браке, а о деле государственной важности!

Мадам Каро снисходительно улыбается.

— Хорошая новость, сын. Может, жена приберёт тебя к рукам, и твои глупые выходки с поездками на окраину прекратятся.

Бастиан молчит, внимательно наблюдая за братом. Что-то в глазах Доминика заставляет его испытывать дурное предчувствие. Какой-то нехороший огонёк.

— Отлично. Родители не против, молчание Бастиана — знак согласия, умничка Вероника никогда не обсуждает мои действия, — продолжает Ники. — Я рассчитываю увидеть искреннюю радость на ваших лицах во время свадебной церемонии.

В гостиную рыжим вихрем влетает Амелия, принимается скакать вокруг Доминика.

— Ура! Свадьба! — ликует она.

— Как зовут твою избранницу? — заметно смягчившись, спрашивает Ивонн.

Ники подхватывает Амелию под мышки, подбрасывает в воздух, ловит и сажает на диван. Тепло улыбается матери и отвечает:

— Её зовут Кейко, мама.

Месье Каро морщит лоб, вспоминая:

— Какое экзотическое имя. Это не младшая дочь месье Тиреля?

— Нет, это не младшая дочь Тиреля. Это младшая дочь Макото Дарэ Ка, он из семьи японских разработчиков системы водоснабжения Азиля. — В голосе Доминика звучит настоящая гордость. — Она лучше всех девиц Ядра, вместе взятых.

— А ещё у неё глазки вот так. — Довольная Амелия слегка приподнимает пальчиками внешние уголки глаз. — Дядя Ники рисовал её в альбоме, я видела!

Воцаряется молчание. Мать и отец поражённо смотрят то друг на друга, то на младшего сына. Бастиан гонит прочь внезапную догадку, но вопрос всё равно срывается с языка:

— Ты решил опозорить семью браком с косоглазой девкой с окраины?

Ники подходит к нему, смотрит прямо в глаза.

Азиль

— Если ты позволяешь себе оскорблять свою жену, то я не позволю тебе — и никому вообще в этом доме! — дурно отзываться о моей невесте, — чеканит Доминик, сдерживая звенящую в голосе ярость. — Я изучил закон: нигде не сказано, что я не могу жениться на той, которую сам выбрал. Нигде не сказано, что живущие в Третьем Круге не могут стать полноправными жителями Ядра путём заключения брака.

— Ты не посмеешь! — выдыхает Бастиан.

— Сынок, — дрожащим голосом окликает Ивонн. — Выбери любую девушку Ядра, не равняй себя с грязью...

— С грязью? Да вы зажрались, маменька! — театрально разводит руками младший сын. — Это такие же граждане Азиля, как и мы. Только по недоразумению мы не видим в них людей. Хотя пользуемся их трудом и... — Он склоняется к уху Бастиана и вкрадчиво вопрошает: — Мы же оба знаем, куда делась настоящая мать Амелии после извлечения плода из её чрева, верно?

Бастиан молча бьёт брата в лицо. Ники отшатывается, прижимает рукав к разбитым в кровь губам. Обводит взглядом ошарашенных родных, подмигивает сжавшейся от испуга Веронике.

— Туше, дорогие. Примите как факт, — усмехается он и покидает гостиную твёрдым шагом.

IV

Бабочки и ураган

Ровно в шесть вечера Акеми сметает мягкой кистью пыль с букетов пластиковых цветов, гасит электрические свечи в траурном зале и спешит в каморку, где переодевается персонал. Стаскивает через голову помпезное чёрно-белое платье с рюшами, бережно вешает в шкаф, натягивает старый штопаный комбинезон неопределённого цвета, подхватывает штормовку и спешит к выходу. И в дверях едва не налетает на Сорси — хитроглазую деваху с выбритыми, покрытыми татуировками висками и рыжими волосами, скатанными в дреды.

— Гомен¹, — выдыхает Акеми короткое извинение.

Сорси пожимает плечами и затягивается синтетической сигаретой. Акеми со всех ног несётся к остановке гиробуса. Его красная бочкообразная туша как раз вырывается из-за поворота. Гиробус подкатывается к остановке, двери с шипением открываются, выпуская людей, а потом пускают внутрь ожидающих посадки.

— Подождите! — кричит Акеми, машет руками.

Водитель — старый знакомый отца Акеми — узнаёт её издали, и гиробус трогается с места, лишь когда девушка оказывается в салоне.

— Добрый вечер, Акеми. Что вдруг мимо дома? — интересуется водитель.

¹ Гомен (gomen) — «извини» по-японски.

Азиль

— Надо в порт, — коротко отвечает она и проходит к задней двери. Общаться ни с кем не хочется.

Акеми смотрит сквозь пыльное стекло на обшарпанные стены жилых домов, на длинный забор целлюлозной фабрики. Накатывают воспоминания рабочего дня: маленькая девочка со страшно раздутым животом и умиротворённым синюшным личиком, плачущая над её телом молодая женщина, Сорси, тщетно успокаивающая горюющих родственников ребёнка. Отвратительный искусственный запах лилий, через который пробивается ещё более мерзкая и тяжёлая вонь мёртвого тела. «Старайся не дышать рядом с трупами, — наставляла Сорси новенькую. — Ты ж не знаешь, кто от чего умер. Дети мрут только от заразы. Руки мой чаще, помогаешь обряжать — надевай маску».

К горлу подкатывает тошнота и горечь, Акеми встряхивает головой, морщится. Считает мысленно, стараясь перебить неприятные воспоминания. Двадцать, сорок семь, сто тридцать девять...

Она никогда не думала, что умирает так много детей. Каждый день — один-два. Редко когда привозят только взрослых. Мёртвых детей куда больше, чем стариков. И они куда страшнее — маленькие восковые люди, будто ненастоящие. Касаться их невыносимо. Всё время кажется, что сейчас закрытые глаза распахнутся и в лицо тебе взглянет что-то жуткое, нечеловеческое.

Четыреста двенадцать, считает Акеми. Пятьсот семь...

Ей казалось, она не боится ни мёртвых, ни смерти. Когда умерла мама, Акеми было девять лет. Мама ушла тихо и быстро, и Акеми и Кейко долгое время верили, что она уснула. Отец в то утро сказал, что она очень устала и ей нужен отдых. Закутал маму в расшитое цветами сакуры покрывало и унёс. А когда вернулся, сказал дочерям, что мама обязательно вернётся. Просто нескоро. И добавил: «Ей бы хотелось, чтобы вы вели себя достойно».

Люди не умирают, они просто куда-то уходят. Кажется, Кейко верит в это до сих пор. Счастливая глупая Кейко.

Акеми тоже верила. Теперь ей приходится раз за разом в этом разубеждаться самым худшим образом — обмывая тела, укладывая их в металлический ящик с двойным дном и отправляя за дверцы топки крематория. По должности ей полагается утешать родственников и быть с ними ласковой и доброй, но она молчит всю церемонию. Попытки говорить пробуждают приступы тошноты. Пусть говорит Сорси. Акеми молча направляет нелепые целлюлозно-бумажные цветы, стараясь не касаться лишний раз холодных тел.

«Я больше не могу», — шепчет Акеми, закрывая глаза.

Найти Дюваля. Броситься в ноги, переломив собственную гордость. Просить, умолять пристроить её на любой корабль. Нет корабля — Акеми согласна паковать бесконечные бурые ленты водорослей по пластиковым бочкам. Она готова мыть посуду в столовых или полы в общественных зданиях. Только бы не возвращаться туда, где удушливо пахнет лилиями — до тошноты, до потемнения в глазах.

Гиробус проезжает по мосту через Орб. Как обычно, перила облеплены детворой. Кто дальше плюнет, кто что-то увидит в лениво текущей воде и чей камешек издаст самый громкий плюх. Акеми вспоминает, как летними вечерами они приходили сюда всей семьёй. Мама бережно опускает в воду двухлетнюю Кейко, а малышка верещит, хохочет, летят в стороны холодные брызги.

«Папа, подбрось меня, я нырну! Пожалуйста, папа! Мама, смотри, как я умею!»

После того как мама ушла, отец больше не водил их к Орбу. Ни разу. Акеми тайком бегала сюда одна. Ей хотелось научиться плавать лучше всех. И она научилась. Мальчишки завидовали и пару раз пытались поколотить. Обидно, когда какая-то косоглазая на спор догоняет вплавь лодку отца Ланглу, оставив остальных участников спора безнадежно позади.

— Я плаваю лучше всех, — говорит себе Акеми, выходя из гиробуса и шагая в сторону порта. — Я знаю, где больше

рыбы. Я сотни раз выходила в море. Меня не могут не взять на борт.

«Я не вернусь туда, где мёртвые дети пахнут мёртвыми цветами», — повторяет она мысленно. Она в этом уверена.

В порту, когда-то растянутом на километры вдоль берега, а теперь состоящем из четырёх ангаров, ремонтного дока и пары продуваемых всеми ветрами двухэтажных зданий, пустынно. Стоят на приколе три баркаса, покачиваются на волнах плоскодонки. Акеми решительно направляется в здание, где днём можно найти хозяев порта.

Она долго стучит в запертую дверь, напрасно дёргает позеленевшую от времени и сырости ручку. Все давно разошлись по домам. Девушка спускается с крыльца, внимательно смотрит на стоящие у причала суда и, заметив движение на борту одного из баркасов, со всех ног мчится туда.

— Месье, добрый вечер! — кричит она молодому мужчине с аккуратной кудрявой бородкой. — Могу ли я поговорить с капитаном?

Тот вешает на крюк свёрнутый канат и оценивающе смотрит на Акеми.

— Что надо-то?

— Хочу наняться в команду.

Бородач опирается руками на кормовой релинг, с усмешкой рассматривает девушку.

— У меня есть опыт, — твёрдо говорит Акеми. — Я ходила на «Проныре».

— И где теперь твой «Проныра»? Топай отсюда. Дырка на корабле — плохая примета.

— Месье, прошу вас...

— Проваливай! — резко обрывает он и уходит, давая понять, что разговор окончен.

Акеми чувствует себя оплётанной. На то, чтобы злиться, сил уже не осталось, и она медленно бредёт по пирсу прочь. Спускается к самой воде, подбирает в полосе прибоя редкие куски водорослевых лент. Есть хочется так, что внутренности

сводит. Акеми пробует пожевать буро-зелёный лист, находит его мерзким, но другой еды на сегодня не предвидится. Она сглатывает горьковатую массу, суёт в рот ещё один обрывок. Жуёт яростно, песчинки скрипят на зубах. Глотай, Акеми, если не хочешь разреветься, как малолетняя соплячка. Или ты не хозяйка своим эмоциям?

В плечо ударяется камешек. Маленький, не больно. Акеми вздрагивает, оборачивается, испуганно шарит взглядом вокруг. В серых сумерках от опоры Купола отделяется шуплая фигура, приветственно машет девушке рукой.

— Боннэ? — удивлённо окликает Акеми. — Ты зачем здесь?

— З-затем! — радостно улыбается Жиль и вприпрыжку спешит навстречу. — З-за т-тобой следил, вот так вот!

Девушка теряется, пытаясь понять, шутит он или серьёз, и поспешно запихивает комок водорослей в карман штанов. Бывший юнга останавливается в метре от Акеми, рассматривает её, склонив голову набок. Улыбка на его лице гаснет.

— Т-ты... Чего с-случилось?

— У меня — ничего, — как можно безразличнее отвечает Акеми. — Гуляю после работы. Тебя сюда как занесло?

Жиль мнётся. Пожимает острыми плечами, пинает камушки носком ботинка.

— Я ночую т-тут, п-под лодкой, в-вот так вот, — признаётся он наконец. — Ну, и увидел т-тебя. И х-хотел п-поздороваться.

Девушка оглядывается, смотрит туда, куда указал мальчишка.

— Под той лодкой? Ты что — так и не вернулся домой?

Он молча кивает. Даже в сумерках видно, как краснеет правая сторона лица. Акеми становится неудобно. Собственные проблемы начинают казаться мелочами жизни.

— Тут же сыро, бака! И действие Купола слабое! — сердито восклицает она. — В городе места мало? Боннэ, ты...

Азиль

— Бака, з-знаю. Тут м-мокро, но лёд не растёт. — Жиль вздыхает. — Метни б-ботинок, если т-тебе от этого б-будет легче.

Он отступает на несколько шагов в сторону и покорно поднимает руки. Акеми смотрит на мальчишку, и от его виноватого взгляда что-то внутри неё плавится. Секунда на раздумья — и она протягивает ему ладонь:

— Идём. Я устала и хочу домой. А ты поживёшь пока у нас.

Просияв, Жиль срывается с места и несётся к своей перевернутой лодке.

— Я сейчас! — кричит он радостно.

И возвращается в обнимку с большим бумажным кульком. Из него одуряюще вкусно пахнет кукурузными лепёшками.

— Б-бери, Акеми. Т-ты же голодная...

Девушка заглядывает в пакет — и не может сдержать удивлённого возгласа:

— Как много! Жиль, откуда столько?

— Спёр, — коротко отвечает бывший юнга.

— Я не возьму, — хмурится Акеми и направляется прочь от пирса.

Жиль догоняет её, суёт в руку лепёшку.

— Ешь. Я п-помню, что ты не б-берёшь чужое. Я честно сп-пёр. В уплату за работу, в-вот так вот. Это п-после обеда осталось. Т-ты не п-поверишь, куда бы это всё д-дели...

— Куда? — машинально спрашивает Акеми, не оборачиваясь.

Жиль почти бежит за ней, придерживая кулёк у груди. Акеми борется с желанием впиться в лепёшку зубами, но не может себе позволить этого при юном воришке. Пусть поймёт, что она возмущена его поступком.

— У н-начальника столовой с-свинья. Д-две. И в-всё, что остаётся со стола, идёт им. В-вот так вот. Я и з-забрал — чтобы д-досталось тем, к-кто заслужил.

После недолгих размышлений, кто более достоин кукурузных лепёшек — свинья или голодная молодая женщина, Акеми решительно суёт кусок лепёшки в рот.

— Остальное — в семью, — строго говорит она. — Как плату за кров. И поторапливайся, не то придётся пешком через весь город идти. Гиробус ждать не будет.

Акеми Дарэ Ка стоит у приоткрытого окна и смотрит с высоты двенадцатого этажа. Вечерний Азиль кажется тёмным и тихим, но Акеми точно знает, что в это время на пыльных улицах Третьего круга ещё кипит жизнь. Возвращаются со второй смены работники целлюлозной фабрики и завода пластмасс, из прачечных и швейных мастерских, целыми семьями расходятся по домам посетители вечерней проповеди Собора. Она смотрит в темноту за окном, пытаясь понять, почему ей так беспокоино.

— Акеми, — окликает её отец.

Девушка вздрагивает, извиняется и ставит на низкий столик жестяной поднос с тремя маленькими чашками, похожими на половинки ярких шаров. Ярко-жёлтую больше всех любила мама. Теперь эта чашка негласно принадлежит Акеми. Отцовская чашка синяя, как небо над морем после бури. Алую чашку любит Кейко. Когда она пьёт, ладони обхватывают чашку так, будто сестрёнка греет об неё руки. Сейчас Акеми ставит красную чашку перед Жилем. Он гость, а Кейко всё равно нет дома. Где-то ходит со своим драгоценным Ники-куном.

Отец благодарит Акеми, опускается на колени пред столиком, жестом приглашает дочь и Жиля присесть. Жиль долго пытается усесться так, как это делает хозяин дома, но ему непривычно, и мальчишка сопит и ёрзает.

— Жиль, ты можешь сесть так, как удобно, — улыбается Макото. — Акеми, принеси гостю подушку, пожалуйста.

— Н-не, спасибо! Я как п-привык, можно? — смущается мальчишка.

Азиль

И устраивается по-турецки — острые коленки выглядывают из прорех штанов. Потом заглядывает в чашку — и удивлённо восклицает:

— Ух ты! Чай!

— Пробовал такое, да? — В голосе Макото слышится удивление.

— Ага! Д-давно уже, но п-помню... Откуда у в-вас такая роскошь?

— Это подарок моей младшей дочери. А самой Кейко это принёс её молодой человек.

Макото произносит это спокойным повествующим тоном, но Акеми прекрасно знает, что отец не одобряет отношений Кейко и Ники. «Вы не ровня, — качая седой головой, говорит он младшей дочери всякий раз, как та заводит речь о парне. — Пойми и прими, пока не нажила проблем». Кейко всякий раз покорно кивает, но этими кивками всё и ограничивается. Акеми всецело согласна с отцом, но на её попытки поговорить с неразумной младшей сестрой неизменно следует жёсткий ответ: «Не лезь и не завидуй».

«Зато у нас есть чай», — утешает себя Акеми и отпивает из чашки.

Макото пьёт маленькими глотками, наслаждаясь вкусом малодоступного в Азиле напитка, прикрывает глаза от удовольствия. Жиль свою чашку уже опустошил и теперь вовсю набивает рот кукурузной лепёшкой.

— Подавишься, — ворчит Акеми, глядя на его округлившиеся щёки.

Жиль в ответ что-то мычит, изображая всем своим видом, как ему хорошо и что он готов съесть раз в сто больше. Взгляд Макото теплеет, губы трогает улыбка. Акеми думает, что улыбающийся отец выглядит лет на десять моложе. После смерти мамы радость на его лице стала большой редкостью. Привычный семье и соседям Макото Дарэ Ка немногословен, спокоен и лицом скорее напоминает статую, а не человека.

— Ты вытянулся, но не вырос, — говорит он Жилю.

Мальчишка вспоминает, что полтора года назад, при своей первой встрече с Макото, он неприлично ревел из-за того, что ему не хотят доверять серьёзную работу. И краснеет: на правой щеке проступает густой румянец, левая же, покрытая сеткой шрамов, остаётся привычно-бледной.

— Расскажи, как тебе работается, — меняет тему Акеми.

— Н-на сейнере было лучше. Хотя б-бы кормили досыта. Н-на фабрике т-олько и делают, что гоняют. П-принеси это, отнеси т-го... З-зато со мной работает муж-жик, который от-тбывал два года в п-подземке. Ст-олько рассказывает интересного! — Мальчишка оживляется, подаётся вперёд, к Макото, сверкая глазами. — Вы знали, что п-под землёй есть сады? И еду там растят для элит-тариев. Он г-говорил, что там от электричества светлее, чем д-днём. И что он св-воими глазами видел запасы. И их там горы! Он рассказывал п-про кур. Ряды к-клеток длиной в высокий дом!

Акеми смотрит на его восторженное лицо — и её накрывает непреодолимое желание остудить мальчишкин пыл. Она отставляет в сторону пустую чашку и негромко говорит, глядя на свои сложенные на коленях ладони:

— Он всё это выдумал. Заключённых заставляют делать самую чёрную работу в городских отстойниках. Перебирать и перерабатывать мусор и наши отходы. Не мог он видеть что-то иное. В бульон, которым нас всех кормят в столовых, идут трупы. А из костей мертвяков делают костную муку и клей. — Она поднимает глаза и смотрит в лицо ошарашенного мальчишки. — Нет никаких садов. Есть только громадный цех, в котором из мёртвых готовят еду для живых.

— Акеми... — начинает было Макото, но девушка перебивает его.

— Это правда, отец! Зачем в ящике, в который укладывают тела для кремации, открывается дно? Почему мы потом

никогда не находим в них ничего, даже праха? И какой смысл Сорси врать, что из топки трупы падают именно в цех, а уже потом над пустым ящиком разжигают огонь?

Макото выпивает чай одним большим глотком и приказывает дочери:

— Выйди.

Акеми и сама рада уйти. Прорываются наружу слёзы, что копились давно и не находили выхода. Закрыв лицо руками, она выбегает из квартиры, усаживается на лестничные ступеньки и беззвучно плачет.

Оставшись один на один с перепуганным Жилем, Макото Дарэ Ка подходит к мальчишке, похлопывает его по плечу и мягко говорит:

— Прости её, дружок. Ей тяжело там, где она сейчас работает. У вас свои легенды, у них свои. Относись к этому так, как подсказывает тебе разум. Он, знаешь ли, умеет защищаться не хуже тела.

— Я не верю! — выдыхает Жиль; плечи его мелко дрожат.

— Не верь. Правды и лжи на свете много, и в чистом виде они редко встречаются. Лучше пойдём, я покажу тебе, где разместиться.

Жиль следует за хозяином квартиры в маленькую комнату. Здесь почти пусто: лежат на полу два матраса с подушками и лёгкими одеялами, в углу у окна — тумбочка, накрытая чёрной тканью. Там на незамысловатой подставке покоится что-то похожее на украшенный серебристым рисунком чёрный полуметровый тубус, оканчивающийся оплетённой рукоятью. Жиль проходит в комнатушку, приближается к тумбе, оборачивается — и на его лице, только что испуганном и растерянном, восторг.

— Месье Дарэ Ка, это же... это же м-меч?

Макото коротко кивает. Мальчик складывает ладони перед грудью и отвешивает глубокий поклон мечу. И снова поворачивается к хозяину:

— Разрешите мне взглянуть? Пожалуйста. Я умею.

Получив одобрение, Жиль достаёт из кармана штанов мятый лоскут ткани, бережно берёт им меч, долго рассматривает ножны.

— Месье Дарэ Ка, я не умею в-восхищаться как н-надо, но какая к-красивая работа! Я могу посмотреть дальше?

Измучённый, что уличный мальчишка знает этикет японского меча, Макото медлит с ответом. Жиль смотрит то на него, то на меч, глаза его восхищённо сияют. Будто встретил старого друга.

— Да, можно, — говорит наконец Макото.

Жиль перекладывает ножны в левую руку, всё так же на тряпицу, убирает правую руку в рукав и через ткань берётся за рукоять короткого меча. Медленно, жадно рассматривая каждый сантиметр клинка, вынимает оружие из ножен. Макото напряжённо следит за мальчишкой. Поразительно: тот держит клинок на таком расстоянии, чтобы не замутнить лезвия дыханием.

— Месье Дарэ Ка, сколько же лет этому в-вакидзаси?¹

— Он старше Азиля. На несколько столетий. Этот меч — достояние моего рода.

— Как клинок сияет! Мне к-кажется, он дороже всех сокровищ... и даже немного ж-живой.

Пока мальчишка восторженно любит мечом, в комнату заглядывает хмурая Акеми.

— Ото-сан², к нам гость, — сухо сообщает она и уходит.

Макото коротко извиняется и спешит за ней. Жиль бережно убирает меч в ножны — держа их вертикально, меч в правой руке, ножны в левой, как и предписано этикетом. Вернув вакидзаси на подставку, мальчик снова кланяется, с улыбкой шепчет: «Спасибо» и напряжённо прислушивается к голосам, слышимым с лестничной клетки.

¹ Вакидзаси — разновидность японского меча, длиной 30–60 см. Часто использовался в паре с катаной.

² Ото-сан — обращение к отцу по-японски.

Азиль

Гость напряжённно мнётся на пороге, стараясь не выдавать волнения. Кейко — счастливая, сияющая, уже хлопочет на кухне. Чёрные волосы, забранные в два детских хвостика, бьются по плечам, руки порхают над стареньким чайником. Акеми сидит на кухонном подоконнике, молча смотрит на сестру.

Макото протягивает руку.

— Здравствуйте. Месье Каро, верно?

Ники отвечает на пожатие, и ладонь у него влажная, холодная. Парень нервничает. Чего-то боится.

— Здравствуйте, месье Дарэ Ка. Да, я Доминик.

— Проходите, месье Каро. У нас тесновато, но...

— Не беда, — улыбается Ники. — Я всё понимаю.

«Как же, — с неожиданной злостью думает Акеми. — Понимает он. Чистюля пришёл поглазеть, как плебеи живут».

Она рассматривает парня с разделяющего их расстояния, и он всё больше ей не нравится. Ровесник Акеми, он слишком хорош собой, слишком чистый, слишком хорошо одет. Его вежливость, его неуверенность кажутся девушке фальшивыми. Белозубая улыбка раздражает. Когда Доминик проходит в кухню, Акеми хочется забраться на подоконник с ногами. Чужой запах — свежий, дерзкий — указывает на высокий статус гостя и подчёркивает убогость и тесноту их жилища. Враждебность — всё, что чувствует сейчас Акеми.

— Это для вашей семьи.

Ники передаёт хозяину дома перевязанную шпагатом коробку. Макото благодарит, ставит её на столик, внимательно смотрит на парня и задаёт главный вопрос:

— Месье Каро, что же привело вас сюда?

Ники бледнеет, проступают под глазами тёмные тени. «Волнуешься, — ехидно думает Акеми. — Ну, помучайся, подёргайся». Кейко наигранно увлечена мытьём чайных чашек, слишком рьяно натирает их мыльной тряпицей, слишком сильно плещется в тазу вода. Тоже нервничает, понимает старшая сестра. Знает, зачем её красавчик в гости напросился.

— Месье Дарэ Ка, — решается Доминик. — Я к вам по делу... Чёрт, сказать труднее, чем я думал. Простите мне моё волнение. Я приехал просить разрешения жениться на Кейко.

Тряпица шлёпается в таз с мыльной водой. Кейко замирает, прижав к груди чашку — мамину, жёлтую. Акеми с трудом сдерживается от желания разорваться и прямо сейчас выставить Каро вон. Нельзя. Должен сказать отец. А тот молчит, медля.

Доминик стоит у обшарпанной стены — прямой, как арматурный прут, бледный и с такими же перепуганными глазами, как и у Кейко. «На что ты рассчитываешь? — кричит Акеми мысленно. — Неужели ты думаешь, что если по происхождению имеешь всё, то и её получишь?»

— Доминик, — мягко начинает отец. — Я не могу ответить ни так, как хочу сам, ни так, как ожидаете вы. Я знаю, что скажет моя младшая дочь. И хотел бы, чтобы вы хорошо подумали. Потому что, сделав предложение, вы подумали очень мало.

— Я думал месяц, — севшим голосом отвечает Доминик. — Я уверен в своём намерении.

— Кейко, Акеми, я прошу нас оставить, — обращается Макоото к дочерям, и те немедленно выходят в соседнюю комнату.

Макоото прикрывает дверь в тесную кухню, становится напротив Доминика:

— Я не знаю, какой вы человек, Доминик Каро. Но нам вы чужой. Зачем вам моя дочь? Наверняка в Ядре множество девушек, красивых и равных вам.

— Много. Но я люблю Кейко. И уверен в этом.

— Этого мало. Как вы представляете вашу совместную жизнь?

Доминик облизывает пересохшие губы.

— Я продумал, месье Дарэ Ка. Я договорился с мастером, он перебьёт Кей Код доступа. Жить мы будем в доме жены моего брата. Кейко ни в чём не будет нуждаться. Я хочу, чтобы она была счастлива.

Азиль

Лицо Макото грустнеет, он сокрушённо качает седой головой.

— Если вы действительно хотите ей счастья, не делайте этого. Оставьте её здесь, приезжайте к ней — но забудьте о женитьбе. Я не могу запретить, но я отец, я вправе просить об этом.

— Вы просите меня бросить Кейко здесь? Позволить ей дышать отравой, работать по двенадцать часов в сутки и тихо чахнуть, недоедая? — Парень смотрит Макото в лицо, голос его крепнет, распаляется. — Вы, отец, просите меня лишить вашу дочь шанса на лучшую жизнь? Вы просите меня бросить моего любимого человека?

Дверь кухни распаивается, влетает злая как чёрт Акеми.

— Прошу прощения, ото-сан, но я не могу молчать. Потом буду готова понести наказание.

Она толкает Доминика в грудь, припечатывая к стене.

— Так, чистюля, буду говорить на понятном тебе языке. Выметайся отсюда и не смей приближаться к моей сестре. И ни слова о любви — ты понятия не имеешь, что это такое. У вас её нет и быть не может. Те, кто рождён вне материнской утробы, любви не знают и не узнают никогда. Возвращайся к себе и забудь сюда дорогу.

Акеми ловко заворачивает Доминику левую руку за спину и ведёт к выходу из квартиры. В соседней комнате Кейко что-то кричит и колотит кулаками по запертой двери. Акеми спускается вместе с парнем к выходу из подъезда и выкидывает Доминика на улицу.

— Если она тебе действительно дорога, ты не пожалуешься полициям. Ты же не хочешь проблем семье своей девушки, Ники-кун? — язвительно цедит Акеми. И добавляет: — Рукав почисть. Весь в грязи.

Доминик оборачивается, смотрит на неё с усмешкой.

— Дура, — говорит он беззлобно и холодно. — Мы с Кей уже всё сами решили. Ваше мнение ничего не значит. Я всего лишь нанёс визит вежливости, так велят приличия. Спасибо